LEKTSII PO RUSSKOĬ ISTORII.

N. I. Kostomarov

ЛЕКЦІИ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ

Н. И. Костомарова.

ИЗДАЛЪ

П. ГАЙДЕБУРОВЪ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ И ЛѢТОПИСИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

ЛЕКЦІИ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЛЕКЦІИ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ПРОФЕССОРА

Н. И. КОСТОМАРОВА.

СОСТАВЛЕНЫ ПО ЗАПИСКАМЪ СЛУШАТЕЛЕЙ

П. Г—ВЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СБОРЪ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ, ПО ЖЕЛАНІЮ Г. ПРОФЕССОРА, ВЪ ПОЛЬЗУ КАССЫ ДЛЯ ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ БѢДНЫМЪ СТУДЕНТАМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 20 февраля 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства надолго задержали изданіе „Лекцій“, предполагавшихся быть выпущенными еще въ прошломъ году. Полное изданіе „Источниковъ удѣльно-вѣчеваго уклада“, въ силу такого же рода обстоятельствъ, откладывается на неопредѣленное время.

Собственно „Лѣтописи“ отпечатаны давно и лежали въ типографіи безъ всякой пользы; я ихъ рѣшился теперь выпустить, основываясь на томъ, что они, составляя собою вполнѣ законченное цѣлое, не могутъ не представлять большаго интереса для многихъ, не имѣющихъ возможности познакомиться съ составомъ нашихъ лѣтописей, по причинѣ отсутствія въ нашей исторической литературѣ подобнаго рода сочиненія. Знакомые съ условіями хода исторической науки не будутъ удивляться тому, что Н. И. Костомаровъ нашелъ теперь въ этихъ „Лѣтописяхъ“ много пробѣловъ, которыя необходимо было бы пополнить новыми источниками и свѣденіями, сдѣлавшимися ему извѣстными уже *послѣ* отпечатанія „лекцій“, которыя, слѣдовательно, являются точно въ такомъ видѣ, въ какомъ были читаны съ кафедры въ 1860 году. Замѣченные же пробѣлы будутъ пополнены во второмъ изданіи, если ему суждено будетъ явиться въ свѣтъ.

Гг., имѣющіе билеты и не получившіе 6 и 7 листовъ могутъ обращаться въ книжный магазинъ Д. Е. Кожанчикова.

Тамъ же могутъ быть пріобрѣтаемы и отдѣльные листы, начиная съ 3-го, по 5 к. сер.

П. Гайдебуровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ

(вступительная).

Мм. Гг.

Считаю долгомъ принести искреннюю благодарность почтенному сословію здѣшняго университета, удостоившему меня избраніемъ по каѳедрѣ русской исторіи и въ тоже время начальству, благосклонно утвердившему такой выборъ. Время покажетъ — окажусь ли я достойнымъ такой высокой чести. Быть можетъ нѣтъ. Въ такомъ случаѣ я оставлю эту каѳедру, на которую теперь вступаю, съ увѣренностью, что этому причиною недостатокъ моихъ способностей и силъ, а не желанія оправдать лестное ко мнѣ вниманіе.

Приступая къ чтенію русской исторіи, я знаю, что буду имѣть честь излагать ее передъ слушателями, которые вступили въ университетъ съ достаточнымъ запасомъ пріобрѣтеннаго въ учебныхъ заведеніяхъ систематическаго знанія внѣшнихъ событій, а потому я не считаю нужнымъ утомлять ихъ послѣдовательнымъ повѣствованіемъ по общепринятому порядку. Такое

чтеніе не разнилось бы въ сущности ни въ чемъ отъ учебнаго преподаванія, кромѣ подробностей въ частяхъ предмета; но, по большей части, такія подробности всегда могутъ быть легко пріобрѣтены изъ общедоступныхъ сочиненій. Цѣль университетскаго преподаванія — не умноженіе сокровищъ памяти, не знаніе новыхъ фактовъ, а осмысленіе того, что уже пріобрѣтено заранѣе. Будетъ сообразнѣе съ этою цѣлію, если, при изложеніи отечественной исторіи, преподаватель станетъ имѣть въ виду не столько полноту своего курса, сколько — или разрѣшеніе вопросовъ, до сихъ поръ остающихся спорными либо нетронутыми, или разъясненіе такихъ сторонъ всей исторической жизни, которыя почему нибудь оставались у изслѣдователей на второмъ планѣ, или же по своему свойству и примѣненію къ современнымъ требованіямъ особенно заслуживаютъ полнѣйшей обработки. Съ одной стороны преподаватель, сосредоточивъ свои силы на нѣкоторыхъ сторонахъ науки, будетъ въ состояніи содѣйствовать своими трудами дальнѣйшему движенію науки, вмѣсто того, чтобъ повторять рѣшенные другими результаты; съ другой—слушатели познакомятся съ пріемами такого труда и это доставитъ облегченіе тѣмъ изъ нихъ, которые, въ свою очередь, пожелаютъ посвятить свои способности дѣлу науки. Такой пріемъ изложенія можетъ — или ограничиваться извѣстными избранными эпохами, или обнимать хронологическое теченіе всей исторіи, но съ избранныхъ сторонъ. Я избираю послѣднее.

Все это, мм. гг., я считаю нужнымъ предварительно вамъ высказать, дабы впослѣдствіи не укоряли меня, когда, быть можетъ, въ моемъ чтеніи окажутся упущенія нѣкоторыхъ сторонъ науки и на счетъ ихъ усиленное вниманіе къ другимъ.

Было время, когда сумма внѣшнихъ явленій, образующихъ то, что называется государственною или политическою жизнію, составляло все, чего можно было требовать отъ науки. Такъ и слѣдовало: внѣшность прежде всего обнимается, скорѣе усвоивается. Такимъ образомъ Исторія Государства Россійскаго

Карамзина была созданіемъ самымъ удовлетворительнымъ въ свое время. Заслуга почтеннаго исторіографа тѣмъ важнѣе, что онъ внесъ въ свое сочиненіе зрѣлую критику. Съ своимъ великимъ талантомъ, Карамзинъ уже не ограничивался односторонностію внѣшности и въ своемъ сочиненіи оставилъ зачатки и указанія новаго изложенія для будущихъ дѣятелей науки. Когда все безмолвно поклонялось его авторитету, назадъ тому лѣтъ тридцать, явился смѣлый человѣкъ, выступившій на ученолитературное поле больше съ отвагою мысли, чѣмъ съ ученымъ авторитетомъ; то былъ Полевой съ его Исторіей Русскаго Народа. Названіемъ, даннымъ своему сочиненію, онъ заявлялъ требованіе, что исторія русскаго государства недостаточна, необходима еще исторія народа. При быстро подвижной работѣ нашей мысли, многимъ едва извѣстно по имени это сочиненіе. Я не имѣю цѣлію, въ настоящее время, дѣлать его оцѣнки; скажу только, что, при многихъ достоинствахъ, полемическій тонъ мѣшалъ автору взглянуть на предметъ своего изложенія безпристрастно и спокойно; подражаніе западнымъ теоріямъ побуждало его прилагать, нерѣдко не кстати, къ отечественнымъ событіямъ несвойственные взгляды, а болѣе всего недостатокъ источниковъ воспрепятствовалъ осуществиться на дѣлѣ названію, избранному авторомъ. Одно только названіе болѣе всего осталось много знаменательнымъ для насъ отъ этаго творенія талантливаго писателя. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи послѣднихъ тридцати или, точнѣе, двадцати пяти лѣтъ, наша ученая историческая литература значительно обогатилась. Правительство оказало дѣятельное содѣйствіе въ собраніи и обнародованіи древнихъ актовъ и памятниковъ; археографическая коммиссія, московское общество исторіи и древностей, кіевская археографическая коммиссія, одесское общество исторіи и древностей, археологическое общество и, наконецъ, частныя лица издали въ свѣтъ богатые запасы старинныхъ письменныхъ памятниковъ; публичная библіотека обогатилась рѣдкими сокровищами и расширила свой дружелюбный доступъ труженикамъ и любите-

лямъ наукъ; наши почтенные ученые, одинъ за другимъ, представили плоды своихъ добросовѣстныхъ работъ надъ разными вопросами и сторонами отечественной исторіи; сознана важность языкознанія для изученія жизни народа; собраны этнографическія данныя,—вмѣстѣ со всѣмъ этимъ уяснилась и необходимость исторіи народа и теперь только наступаетъ пора, когда возможно приступить къ ней, хотя бы только для того, чтобъ проложить первую тропинку для послѣдующихъ дѣятелей, которымъ будетъ суждено измѣнить ее въ торную дорогу.

Теперь, мм. гг., я считаю нужнымъ представить вамъ въ краткихъ словахъ сущность того понятія, которое я составляю себѣ объ исторіи народа вообще. Не стану теперь распространяться въ подробностяхъ, предоставляя повѣрку и подтвержденіе моего взгляда самому ходу изложенія науки.

Едва ли нужно доказывать, что всякое политическое общество, съ его движеніями и измѣненіями, относится къ народу, какъ явленіе къ его сущности, какъ внѣшность къ внутреннему содержанію, такъ что опредѣлительность, какую мы даемъ кругу, въ который заключены политическія явленія, зависитъ отъ степени нашего понятія, какое мы составили себѣ о народѣ. Такъ, приступая къ исторіи политическаго общества, подъ именемъ русской исторіи, мы вправѣ спросить себя: какого политическаго общества исторія предстоитъ нашему изученію? Той-ли державы, которая существуетъ теперь подъ именемъ русской имперіи? Но, если мы станемъ разсматривать всѣ признаки, составляющіе это понятіе, то найдемъ, что всѣ они сгруппировались между собою и составили то явленіе, которое мы называемъ, въ настоящее время, русскою державою, только съ Петра Великаго; и многіе, обращая исключительное вниманіе на одинъ видъ государственной жизни, справедливо, съ своей точки зрѣнія, говорятъ, что для нихъ только съ этаго времени исторія представляетъ живой и непосредственный интересъ. Въ прежнія времена существовало другое государственное тѣло, до того отличное отъ настоящаго, что многіе

изъ его важнѣйшихъ признаковъ составляютъ для насъ предметъ археологическихъ изслѣдованій. Еще несходнѣе наше государство съ удѣльно-вѣчевою Русью, а языческій періодъ мелькаетъ намъ изъ глубокой дали, совершенно чуждымъ нашему политическому свѣту, мерцаніемъ. Что же соединяетъ всѣ эти періоды, которые, не смотря на ихъ отличіе другъ отъ друга, никто однако не исключилъ еще изъ науки русской исторіи?

Не земля, потому что коль скоро мы будемъ имѣть въ виду исторію всего того, что случилось на землѣ, гдѣ теперь живемъ, или той, которой обитатели вступили въ политическое единство съ государствомъ нашимъ, то придется говорить, какъ объ отечественномъ элементѣ, и о бытѣ Пантикапеи; она, однако, не имѣетъ къ намъ болѣе близкаго отношенія, какъ вообще исторія греческихъ колоній, и, касаясь Пантикапеи, нужно было бы пуститься въ изученіе греческой исторіи. Намъ бы пришлось излагать исторію Готѳовъ, нѣкогда властвовавшихъ надъ нашею страною, и предаться изученію древне-германскаго міра,—а это отвлекло бы насъ отъ прямой нашей цѣли. Очевидно, то̀, что образуетъ единство между различными видами государственной или политической жизни — есть народъ, ибо только на основаніи сознанія тождества нашего народа, какъ въ отдаленныя, такъ и близкія къ намъ времена, можемъ мы называть отечественными обитателями такихъ, которые болѣе имѣютъ между собою несходства, чѣмъ подобія. На основаніи тождества народа, въ различныхъ государствахъ, въ одно и то же время существующихъ, или существовавшихъ, безъ всякихъ признаковъ политической связи, исторія этихъ государствъ можетъ составить одну исторію. Такое явленіе встрѣчается и въ нашей исторіи, когда въ XIV вѣкѣ образуются два русскія государства,—московское и литовское. Наконецъ, къ одной и той же исторіи съ извѣстнымъ государствомъ можетъ принадлежать и часть другаго государства, коль скоро въ этой части народъ составляетъ единое тѣло съ тѣмъ, который живетъ въ

первомъ изъ государствъ. Такъ, къ единой исторіи свободной Греціи будетъ всегда принадлежать судьба Θессаліи и островов Архипелага, остающихся подъ властію Турціи. Это приложимо и къ русской исторіи. Червонная Русь въ XIV вѣкѣ выступила изъ политической связи съ остальною Россіею, но судьба ея до тѣхъ поръ будетъ принадлежать къ русской исторіи, пока народъ червонно-русскій не потеряетъ русскаго языка и началъ русской жизни. Такимъ образомъ, излагая только исторію государственной жизни, если мы хотимъ быть основательными, то невольно будемъ въ своемъ изложеніи подчинять принципъ государственности идеѣ народности, ибо только народность даетъ связь странамъ, не имѣющимъ между собою никакого политическаго связующаго признака. Доказывать, что внѣшнія явленія политической жизни не могутъ у насъ составить исторіи народа, кажется, нѣтъ необходимости, ибо это само по себѣ слишкомъ ясно.

Но исторія народа не достигается также, такъ называемою внутреннею исторіею, послѣдовательнымъ изображеніемъ законодательства, учрежденій и быта, отлично отъ внѣшнихъ событій, ибо явленія общественной и домашней жизни все еще внѣшность: за нею кроется потребность уразумѣнія народнаго духа, какъ причины, и, вмѣстѣ, содержанія этой внѣшности. Знать о существованіи какого-нибудь учрежденія въ извѣстную эпоху еще недостаточно, и такое знаніе, взятое само по себѣ, какъ фактъ, можетъ повести къ ошибкамъ, если мы не знаемъ, какъ народъ въ свое время понималъ то или другое учрежденіе, въ какой степени оказалъ участіе въ его появленіи и какое дѣйствіе произвело оно на его жизнь. Народный обычай, черты домашняго быта, обрядъ народнаго увеселенія,—все это еще внѣшность, не жизнь народная, а только ея выраженіе. Жизнь народная заключается въ движеніи его духовно-нравственнаго бытія: въ его понятіяхъ, вѣрованіяхъ, чувствованіяхъ, надеждахъ, страданіяхъ. Нельзя судить о благосостояніи экономическаго быта народа, не зная, какъ народъ понималъ или

понимаетъ довольство или недостатокъ. Нельзя судить о важности бѣдствій народныхъ, не зная въ какой степени они въ свое время производили вліяніе на чувство народа. Нельзя произносить приговоровъ надъ доблестями или пороками человѣческими, не зная въ какой степени оправдывало или обвиняло ихъ народное убѣжденіе. Изслѣдованіе развитія народной духовной жизни — вотъ въ чемъ состоитъ исторія народа. Тутъ основа и объясненіе всякаго политическаго событія, тутъ повѣрка и судъ всякаго учрежденія и закона.

Сказанное теперь мною не новость; но часто случалось, что, при сознаніи необходимости поставить на первый планъ духовную самодѣятельность народа — историкъ терялся во внѣшнихъ явленіяхъ и упускалъ ее изъ вида. Я далекъ отъ того, чтобъ придавать слишкомъ малое значеніе уразумѣнію внѣшности; напротивъ, только это основательное знаніе и можетъ повести къ уразумѣнію народной жизни; безъ критики и безъ внимательнаго разсмотрѣнія внѣшнихъ подробностей невозможно приступить къ внутреннему содержанію, иначе мы будемъ принимать мечты за существенные выводы изъ явленій. Поэтому не только нельзя обвинить направленія, обращеннаго исключительно ко внѣшности, но слѣдуетъ сознаться, что въ настоящее время исторія народа не можетъ быть удовлетворительно составлена прежде, чѣмъ не будетъ достаточно-критически обработана во всѣхъ подробностяхъ исторія внѣшнихъ явленій. Вотъ почему я считаю такое сочиненіе, какъ прекрасныя изслѣдованія г. Погодина, сочиненіемъ первой важности. Если бы такимъ способомъ разработана была вся русская исторія, мы были бы значительно облегчены въ нашемъ предпріятіи. Но пока этого нѣтъ; я и не воображаю, чтобъ предпріятіе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ; я буду доволенъ и тѣмъ, если оно возбудитъ въ васъ, мм. гг., сочувствіе и найдется изъ васъ другой, болѣе меня даровитый, который воспользуется предложенною вамъ мыслію.

При чтеніи исторіи русскаго народа я ничуть не буду оставлять ни внѣшней-былевой, ни бытовой исторіи; напротивъ,

какъ сказалъ уже, только въ данныхъ той и другой я буду искать своей цѣли. Мы будемъ обращать вниманіе на такія явленія, которыя откроютъ намъ нравственное бытіе народа и его духовную дѣятельность. Мы не станемъ слѣдовать за утомительнымъ рядомъ княжескихъ усобицъ и войнъ съ иноземцами, но выберемъ изъ нихъ только то, что укажетъ намъ степень народнаго участія въ нихъ, народный взлядъ на нихъ и вліяніе ихъ на жизнь народную. Мы не остановимся даже на какомъ нибудь громкомъ государственномъ событіи болѣе того, сколько требовать этого будетъ уразумѣніе воздѣйствія его не народной бытъ и воспитаніе. Мы не станемъ преклоняться предъ біографіею лицъ, выходящихъ изъ массы; для насъ они будутъ важны единственно потому, что̀ они принесли съ собою изъ массы и что сообщили массѣ ихъ дарованія. Намъ не будетъ важенъ никакой законъ, никакое учрежденіе сами по себѣ, а только приложеніе ихъ къ народному быту; насъ не займетъ никакой литературный памятникъ, если мы не будемъ видѣть въ немъ ни выраженія народной мысли, ни той силы, которая пробуждаетъ эту мысль; въ такомъ случаѣ для насъ гораздо важнѣе народная пѣсня, даже полная анахронизмовъ въ изложеніи внѣшняго событія. Если мое чтеніе приметъ образъ непрерывнаго повѣствованія, то преимущественно въ тѣхъ эпохахъ, когда проявляется народная самодѣятельность. Что для историка, имѣющаго на первомъ планѣ государственную жизнь, составляетъ не важныя черты—у насъ будетъ предметомъ первой важности; такъ, напримѣръ, повѣствованія нашихъ лѣтописцевъ о неурожаяхъ, наводненіяхъ, пожарахъ и разныхъ бѣдствіяхъ, заставлявшихъ народъ страдать, о затмѣніяхъ и кометахъ, пугавшихъ его воображеніе, для нашего способа изложенія будутъ гораздо важнѣе многаго другаго.

Не отклоняясь отъ идеи народной жизни, мы должны будемъ обратить особенное вниманіе на составъ русскаго народа, прослѣдить историческую этнографію, развѣтвленіе народностей, ихъ взаимныя столкновенія, противодѣйствія, возникновенія и

увяданія. Только такое изученіе можетъ дать намъ понятіе о томъ — какъ сложился нашъ народъ, и открыть тѣ элементы, которые его создали. Едва ли въ мірѣ есть держава, которая составлена изъ одной народности и едва ли есть народъ, въ которомъ бы нельзя было открыть настоящаго или прошлаго существованія составныхъ частей. Въ послѣднее время на Россію указывали, какъ на явленіе въ политическомъ мірѣ противоположное тому, какое представляютъ Австрія и Турція, столь ярко выказывающія разнохарактерность народностей въ своемъ составѣ. Мнѣ кажется, Россія, по составности своего народа, не отстаетъ отъ другихъ. Назадъ тому лѣтъ двадцать обращали вниманіе на одинъ только славянскій элементъ, даже собственно на одну господствующую политически велико-русскую народность; казалось, что историкъ, и даже историкъ народа, долженъ имѣть въ виду эту господствующую народность, а другія не оказывавшія политической самобытной жизни, или потерявшія ее, неудостоивались отъ историковъ независимаго разсмотрѣнія. Народности финскія, литовскія, сибирскія, татарскія остались безъ вниманія, даже богатыя и важныя, въ свое время, изслѣдованія о нихъ нашихъ незабвенныхъ путешественниковъ XVIII вѣка Палласа, Лепехина, Гмелина мало сообщили нашей исторіи. Въ послѣднее время труды нашихъ академиковъ, русскаго географическаго общества и многихъ скромныхъ сотрудниковъ губернскихъ вѣдомостей значительно расширили кругъ свѣденій, относящихся къ этнографіи инородцевъ. Однако, ни отношенія ихъ къ нашей народности, ни мѣсто, какое они должны занимать въ исторіи, не указано. Замѣчательно, что двѣ народности, болѣе всего сблизившіяся съ нами, корельская и мордовская, изслѣдованы меньше прочихъ. Но между тѣмъ взгляните на этнографическую карту Кеппена, припомните при этомъ положеніе этихъ народовъ въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ и прослѣдите въ памяти ходъ, какой избралъ въ своемъ растяженіи славянскій элементъ, и вы придете къ заключенію, что, такъ называемые, инородцы не оставались безъ силь-

наго вліянія на образованіе сильнаго народнаго склада и что въ нашихъ жилахъ течетъ ихъ крови можетъ быть столько же, сколько и славянской. При томъ же, многіе изъ этихъ народовъ существуютъ до сихъ поръ, и въ нашъ вѣкъ пора бы сознательно сказать, что несправедливо пророчить имъ безслѣдное уничтоженіе. Если мы говоримъ: исторія русскаго народа, то принимаемъ это слово въ собирательномъ смыслѣ, какъ массу народовъ, связанныхъ единствомъ одной цивилизаціи и составляющихъ политическое тѣло.

Жизнь народная, подъ вліяніемъ внѣшнихъ явленій, испытывала важныя измѣненія и, вслѣдствіе ихъ, являлась въ своеобразныхъ укладахъ, опредѣляемыхъ суммою согласныхъ признаковъ. Главныхъ укладовъ я нахожу два: *удѣльно-вѣчевой* и *единодержавный*.

Признаки перваго: раздробленіе цѣлаго безъ совершеннаго его уничтоженія, самобытная жизнь частей безъ нарушенія взаимнаго сходства, перевѣсъ обычая надъ постановленіемъ, побужденія надъ закономъ, произвола надъ учрежденіемъ, личной свободы надъ сословностью, чувства надъ долгомъ, родственности надъ государственностію, слабость власти, неопредѣлительность формъ, народоправленіе въ образѣ частныхъ вѣчъ, движеніе и броженіе. Во второмъ укладѣ части сплачиваются, формы опредѣляются, личность улегается въ сословныя разграниченія, обычай преобразуется въ постановленіе, законъ стремится дать направленіе и судъ побужденіямъ, родственность и народоправленіе покоряются государственному началу.

Въ этихъ двухъ укладахъ жизнь нашего народа. Нельзя и думать опредѣлить точныхъ между ними хронологическихъ границъ уже и потому, что основа ихъ—жизнь неуловимая, своеправная, не улегающаяся ни въ какія систематическія рамки. Только приблизительно можемъ мы опредѣлить время перваго уклада отъ древнѣйшихъ вѣковъ до XVI вѣка, когда начала противоположнаго уклада преобладаютъ, хотя старая жизнь пробивалась и послѣ, а элементы новой являлись ощутительно и во

времена сѣдой старины. Такъ, напримѣръ, въ X и XI вѣкахъ Владиміръ и Ярославъ показываютъ нѣкоторые признаки единовластія, а въ XVI и XVII вѣкѣ, когда единовластіе дѣлается торжествующимъ, не разъ порядокъ удѣльный какъ будто хочетъ возобновиться: такъ въ завѣщаніи Іоанна IV сыновьямъ его назначаются удѣлы. Нѣкоторыя враждебныя отношенія казачества къ властямъ въ XVII вѣкѣ имѣютъ также характеръ древней вечевой вольницы, противодѣйствующей единодержавному порядку, административной формальности и сословному неравенству. XIV и XV вѣка могутъ назваться временемъ переходнымъ отъ одного уклада къ другому; тогда господствовало столько же новыхъ, какъ и старыхъ началъ—федеративныхъ и единодержавныхъ, такъ что, смотря съ одной или другой точки зрѣнія, можно ихъ относить и къ тому и къ другому укладу.

Въ теченіи своего господства надъ русскою жизнію, каждый изъ этихъ укладовъ можетъ представлять нѣсколько видовъ, означающихъ извѣстный строй государственнаго и народнаго быта, дѣйствующихъ на народныя понятія и зависящихъ отъ ихъ направленія. Обращаясь въ глубину древности, мы найдемъ, что русскій народъ представляется раздѣленнымъ на племена; между ними, на сколько указываютъ намъ это скудные источники, нѣтъ внѣшнихъ признаковъ связи, но непремѣнно должна существовать внутренняя, хотя бы въ зародышѣ. Достаточно указать на общее сознаніе единоплеменности и дунайскаго происхожденія. Въ половинѣ IX вѣка появляются признаки внѣшняго соединенія, сначала на сѣверѣ; призываются князья, связь распространяется и, къ концу X вѣка, захватываетъ всѣхъ русскихъ Славянъ и нѣкоторые финскіе народы. Сначала, какъ мы сказали уже, проглядываютъ вмѣстѣ съ нею и начала единодержавности, но потомъ удѣльность беретъ верхъ и обозначается ясно. Подъ именемъ удѣльности я не разумѣю только родовой связи княжескаго рода, но признаю гораздо шире значеніе этого слова. Удѣльность есть такой строй, когда самобытныя части, не смѣшиваясь химически воедино и не

прекращая своего отдѣльнаго существованія, всѣ вмѣстѣ образуютъ одно государственное тѣло. Связь ихъ можетъ болѣе или менѣе выражаться внѣшними признаками, поддерживаться тѣми или другими институціями, но принципъ удѣльности остается одинъ и тотъ-же. Единство княжескаго рода было главною видимою институціею нашей удѣльности, но это не есть непремѣнное условіе ея существованія; институція могла замѣниться, съ развитіемъ народа, другою, третьею, а удѣльность все таки не прекращалась бы. Наша удѣльность съ институціею княжескаго рода была естественный переходъ отъ того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ, какъ мы уже сказали, лежали зародыши, какъ удѣльности, такъ и единодержавности. Естественно, что, отдѣляясь отъ послѣдней, удѣльность тѣмъ болѣе должна была сохранить подобія съ единодержавностію, чѣмъ ближе находилась къ времени своего выхода изъ неяснаго, смѣшаннаго состоянія, и напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ единодержавные признаки становились блѣднѣе и должны были совершенно исчезнуть. Съ половины XII вѣка удѣльный принципъ совершенно беретъ верхъ; вмѣсто произвольныхъ княжествъ выступаетъ самобытность земель по природному дѣленію: на сѣверѣ разцвѣтаетъ Новгородъ, готовый дать новый толчокъ русскому удѣльному міру. Вдругъ—нахлынули Монголы. Это плачевное событіе остановило механизмъ русской жизни. Удѣльность, не достигши полноты своей, такъ сказать, застываетъ въ своемъ теченіи, замерзаютъ ся горячія силы, двигавшія ее впередъ. Когда я воображаю Русь послѣ нашествія завоевателей, то мнѣ приходитъ на память сказка, въ которой волшебная флейта заставляетъ присутствующихъ дѣлать такія самыя движенія, съ какими ихъ застала, лишивъ ихъ способности перемѣнить на другія или остановиться вовсе. Такъ наша Русь, парализованная нашествіемъ и порабощеніемъ, съ своимъ удѣльнымъ укладомъ, продолжала около вѣка безсознательныя движенія на прежній ладъ, не имѣя ни силъ перемѣнить этого лада, ни освободиться отъ тяжелаго кошмара.

Наконецъ, въ XIV вѣкѣ начинается на востокѣ, подъ нравственнымъ вліяніемъ Сарая, а на западѣ, по поводу пробужденія Литвы, прогрессивное шествіе новаго уклада—единодержавнаго. Долго онъ шелъ не твердымъ шагомъ, пока не подоспѣли на помощь новые элементы: на востокѣ византійскій, на западѣ польскій или, лучше сказать, при посредствѣ его, западный.

Начинается исторія единодержавнаго уклада въ Россіи — на востокѣ въ формѣ Московскаго царства, на западѣ въ формѣ Великаго Княжества Литовскаго, скоро соединеннаго съ Польшею. Какъ на востокѣ, такъ и на западѣ единодержавный укладъ, по теченію времени, разбивается на двѣ половины. Начало XVIII вѣка служитъ приблизительною между ними взаимною гранью. Явленія, составляющія существенные признаки первой половины на востокѣ: сосредоточеніе народнаго могущества въ особѣ царя, святость самодержавной власти, какъ истекающей отъ Бога, развитіе законной формы, перевѣсъ власти надъ общинностью, торжество государственнаго начала надъ народнымъ, стремленіе къ расширенію предѣловъ русской земли, замкнутость домашняго быта, зачатки сближенія съ Западною Европою и усвоенія европейской промышленности и государственной защиты. Противудѣйствующая этому укладу сила является въ казачествѣ. Въ Западной Руси эта половина обозначается постепеннымъ соединеніемъ народности русской съ польскою; аристократическое начало играетъ ту роль, какъ самодержавіе на востокѣ и находитъ себѣ противодѣйствіе въ казачествѣ. И здѣсь, и тамъ казачество является выраженіемъ пережившей свое господство удѣльности, какъ будто силящейся помолодѣть и найдти другой строй для своего обновленнаго бытія. Въ началѣ XVIII вѣка смѣняетъ первую половину уклада—другая, гдѣ развивается то, къ чему первое служило подготовкою. Восточная Россія съ сильно развитымъ самодержавіемъ и государственнымъ слитіемъ частей, съ стремленіемъ къ расширенію предѣловъ, выступаетъ на чреду европейскихъ

державъ и усвоиваетъ европейскія начала промышленности и государственнаго охраненія. Казачество, какъ единый противудѣйствующій остатокъ древней удѣльности, падаетъ, оставя на западѣ Россіи видимое торжество Польши, но въ самомъ дѣлѣ надорвавши ея силы до того, что чрезъ нѣсколько времени западная Русь дополняетъ собою совершившееся окончательно единодержавіе.

Предстоящій курсъ я посвящаю изложенію удѣльнаго уклада русской жизни. Я почитаю нужнымъ прежде всего сдѣлать обзоръ источниковъ русской исторіи удѣльнаго уклада, указать ихъ составъ, опредѣлить ихъ достовѣрность, ихъ значеніе въ умственной дѣятельности народа, потомъ перейдти къ древнимъ литературнымъ памятникамъ и наконецъ, къ правительственнымъ и юридическимъ актамъ, не касаясь ихъ, однако, съ тѣхъ сторонъ, которыя составляютъ предметы особыхъ наукъ — исторіи русской литературы и исторіи русскаго законодательства. Отъ отечественныхъ источниковъ я перейду къ иностраннымъ, представлю обзоръ восточныхъ, византійскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ, ливонскихъ, скандинавскихъ и западныхъ. Окончивъ обзоръ источниковъ, я представлю очеркъ доисторическаго существованія Славянъ въ Европѣ, отдѣленіе Русскихъ изъ восточныхъ Славянъ и судьбу ихъ до начала державы въ IX вѣкѣ. Приступивъ къ описанію русской державы, я постараюсь, сколько дозволятъ мнѣ мои силы и станетъ умѣнья, обратить вниманіе на изслѣдованіе важнаго и еще нерѣшеннаго вопроса о происхожденіи Руси съ новой точки зрѣнія. Вслѣдъ за тѣмъ я обращу ваше вниманіе на соотношеніе раздробленія Россіи на княженія, съ естественнымъ этнографическимъ надѣломъ народа. Мы представимъ съ одной стороны, что̀ соединяло народъ русскій въ жизни и раздѣляло его во все время удѣльнаго уклада. Потомъ сдѣлаемъ обзоръ проявленія народнаго нравственнаго развитія, народныхъ понятій, взгляда на себя и на міръ, народныхъ страданій, народныхъ вѣрованій и убѣжденій, народнаго воспитанія, народныхъ пороковъ,—словомъ народной жизни

во всѣхъ земляхъ и будемъ останавливаться на такихъ важныхъ событіяхъ, въ которыхъ проявилась народная самодѣятельность. Такимъ образомъ мы начнемъ съ Кіева и южной Руси, перейдемъ къ землѣ Кривичей и великому Новгороду, потомъ къ Суздальской землѣ, наконецъ къ Москвѣ и встрѣтимся тамъ съ господствомъ единодержавнаго уклада. Потомъ мы сдѣлаемъ обзоръ жизни, быта и отношенія къ намъ всѣхъ, такъ называемыхъ, инородцевъ. Мы начнемъ наше историко-этнографическое путешествіе съ запада литовскимъ племенемъ, потомъ перейдемъ къ финскому сѣверному, потомъ къ финскому восточному, далѣе къ турецкому и монгольскому и, наконецъ, къ народамъ прикавказскимъ. Обзоръ судьбы сибирскихъ инородцевъ, кавказскихъ горцевъ и закавказцевъ предоставляется единодержавному укладу, ибо эти народы поступили въ одно тѣло съ нами уже во время господства единовластія. Такого рода обозрѣніе удѣльно-вѣчеваго уклада русской исторіи будетъ предметомъ моихъ чтеній въ настоящемъ академическомъ году.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАГО УКЛАДА.

Лѣтописи.

Приступая къ обозрѣнію источниковъ удѣльно-вѣчеваго уклада, мы начнемъ съ лѣтописей. Сперва объяснимъ и покажемъ общій ихъ характеръ и значеніе; потомъ перейдемъ къ изложенію состава первой нашей лѣтописи, называемой *Несторовою*, опредѣлимъ ея характеръ, покажемъ составныя ея части, и значеніе ея, какъ источника для узнанія жизни народной; потомъ перейдемъ къ *Кіевской лѣтописи* и ея продолженію — *Волынской* или, правильнѣе, *Галицко-Волынской* лѣтописи и т. д.

Лѣтописи наши—это записки, писанныя отчасти свѣтскими людьми, отчасти духовными. Было мнѣніе, что составленіе ихъ принадлежитъ исключительно послѣднимъ, но это несправедливо, ибо въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прямо замѣтно свѣтское положеніе писателей. Лѣтописей было чрезвычайное множество: большая часть ихъ издана, но многія еще до сихъ поръ

находятся въ рукописяхъ, какъ напр. *Нижегородская*, *Вятская*, чрезвычайно важная, и *Тверская*, которою пользовался Соловьевъ. Лѣтописи имѣютъ тотъ общій характеръ, что всѣ онѣ исходятъ отъ одного начала, такъ что до XII вѣка образуютъ одну общую лѣтопись, и только съ этихъ поръ развѣтвляются на мѣстныя. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣютъ большое сходство съ исторіею русской жизни и русскаго быта: сначала въ Русской землѣ сохраняется единство, которое прекращается раздѣленіемъ ее въ XII вѣкѣ на многія княжества.

Не слѣдуетъ думать, что лѣтописи и прежде были такъ написаны, какими дошли до насъ: первоначальный видъ ихъ не дошелъ до насъ и мы имѣемъ только позднѣйшіе сборники, на которыхъ видны слѣды первоначальнаго состава. Важность и достоинство лѣтописей состоитъ, во первыхъ, въ томъ, что онѣ писались не для удовлетворенія простаго любопытства, но и для специальныхъ практическихъ цѣлей: онѣ имѣли официальный характеръ. Доказательствомъ ихъ официальности служатъ слѣдующіе примѣры: въ Никоновской лѣтописи говорится: *„первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся.... написовати“*; — это служитъ доказательствомъ того, что князья дѣйствительно повелѣвали писать эти лѣтописи. Въ другомъ мѣстѣ той-же самой лѣтописи упоминается о томъ же: „прежначални отцы намъ предаша, мы же не преминухомъ писати“ (1). Въ Волынской лѣтописи говорится, что въ 1289 году князь Василько Мстиславичъ приказалъ лѣтописцу записать крамолу города Берестья; слѣдовательно слѣды этаго обыкновенія мы видимъ еще въ XIII вѣкѣ. Далѣе, когда въ XIV вѣкѣ князь Василій Васильевичъ Темный судился съ Юріемъ Шемякою предъ ханомъ, то доказывалъ права свои по „отечеству и дѣденству“, а Юрій *искаше престола лѣтописцы и старыми списки.* Когда Іоаннъ III замышлялъ уничтожить свободу Новгорода (1471 г.), то взялъ съ собою чело-

---

(1) Это мѣсто тоже относится къ началу XV столѣтія.

вѣка, знавшаго лѣтописную мудрость, чтобы показать Новгородцамъ ихъ старинныя преступленія противъ князей и убѣдить ихъ въ томъ, что достоинство князя существовало издревле.

Надо также принять во вниманіе споры нашихъ городовъ между собою, въ которыхъ они должны были ссылаться на предшествовавшія событія; слѣдовательно, князья руководствовались свидѣтельствомъ лѣтописей, которыя поддерживали ихъ въ спорахъ и неудоумѣніяхъ.

Что лѣтописи наши имѣли юридическое значеніе, это, наконецъ, подтверждается еще тѣмъ, что въ нихъ найдены многіе памятники нашего древняго юридическаго быта: договоры первыхъ нашихъ князей съ Греками, Русская Правда, разные другіе договоры князей, духовная волынскаго князя Василька, а впослѣдствіи даже ханскіе ярлыки. Всѣ эти обстоятельства ясно показываютъ, что лѣтописи велись подъ надзоромъ князей и вообще подъ вліяніемъ правительства.

Кромѣ этихъ общихъ лѣтописей, были еще лѣтописи церковныя. При церквахъ и въ монастыряхъ были люди, записывавшіе событія, касающіяся церкви вообще, и въ особенности той церкви или того монастыря, гдѣ велась эта лѣтопись. Въ такія лѣтописи вносились причины основанія, а также имена основателей, жертвователей и возобновителей церкви, для вѣчнаго поминовенія, такъ какъ монастыри и церкви обязывались молиться за нихъ при жизни и по смерти. Иногда то, что записывалось въ церковной лѣтописи, имѣло видъ долговаго обязательства; такъ, въ новгородской лѣтописи подъ 1391 годомъ записано, что Софійская церковь дала Новгороду серебра при такомъ-то владыкѣ. Можетъ быть это было и пожертвованіе, а не долговое обязательство, но во всякомъ случаѣ записано оно было не изъ простаго любопытства.

Въ этихъ монастырскихъ и церковныхъ лѣтописяхъ записывались разныя естественныя событія, предзнаменованія и также бѣдствія народныя, имѣющія, по народному вѣрованію,

связь съ предзнаменованіями. Это дѣлалось съ тою цѣлію, чтобы благочестивые люди на будущее время могли остерегаться, замѣчая что либо, и молитвами отклонять гнѣвъ Божій. Такъ, напр., въ лѣтописи Нестора подъ 1071 годомъ, сказано: „въ си времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ, пришедъ бо Кыеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьски земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи послушаху, а вѣрніи же насмѣхаются, глаголюще ему: бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ". Далѣе говорится о погибели этого кудесника въ одну ночь отъ бѣса.

Церковныя лѣтописи также имѣли не одинъ мѣстный характеръ, что можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи: подъ 1542 годомъ записано, что игуменъ Тихвинскаго монастыря, пріѣхавъ въ монастырь на Лысой горѣ, вошелъ въ келью келаря, разсматривалъ лѣтопись и нашелъ, что она ведется исправно, только имена церковныхъ владыкъ записаны не всѣ.

Можно себѣ представить, какое огромное число лѣтописей было у насъ, если въ каждомъ монастырѣ велась своя отдѣльная лѣтопись. Дѣйствительно, нѣсколько такихъ монастырскихъ записокъ до насъ дошло цѣликомъ; напр., 3-я Новгородская лѣтопись, приложеніе ко 2-й Новгородской, 6496—7224, гдѣ отмѣчены только церковныя событія, перечень новгородскихъ владыкъ и проч.

Другое важное значеніе нашихъ лѣтописей то, что они были писаны большею частію современниками и очевидцами событій. Это можно заключать какъ по слогу и характеру разсказа, такъ и потому, что въ лѣтописи вошли многія событія, о которыхъ никто не могъ написать, кромѣ лицъ, прямо участвовавшихъ въ нихъ: наконецъ, это можно видѣть особенно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лѣтописецъ говоритъ о себѣ. Такъ напр., подъ 1051 г. объ основаніи Печерской Лавры и ея дальнѣйшей исторіи ясно сказано, что эти событія описаны современни-

комъ; лѣтописецъ говоритъ, что онъ пришелъ въ Кіево-Печерскій монастырь къ преподобному Θеодосію: „къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего“. Подъ 1064 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о разныхъ дурныхъ предвѣщаніяхъ и, между прочимъ, говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ другими былъ въ Кіевѣ, когда вытащили изъ рѣки сѣтями урода: „его же позоровахомъ до вечера“. Подъ 1090 г. лѣтописецъ говоритъ, что пріѣхалъ новый митрополитъ и прибавляетъ, что не знаетъ — будетъ ли онъ такой, какъ прежній. Подъ 1093 годомъ, описывая погребеніе св. Θеодосія, лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ очевидцемъ этого событія. Подъ 1096 годомъ, въ разсказѣ о нашествіи Половецкаго хана Боняка (прозваннаго русскими Шелудивымъ) на Печерскій монастырь, читаемъ: „и придоша въ монастырь Печерскій, *намъ* сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутрени.... *намъ* же бѣжащимъ за домъ манастыря.... *намъ* нисходящимъ (со стѣны) съ оружіемъ.“ Ясно, что писавшій былъ не только современникъ, но и очевидецъ, знающій всѣ подробности событія. Подъ 1097 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что князь Давидъ Игоревичъ послалъ его къ ослѣпленному Васильку, называетъ самаго себя Василемъ, и указываетъ, что онъ находился тогда во Владимірѣ Волынскомъ.. Подъ 1106 г. читаемъ: „преставися Янъ, старецъ добрый... отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ“. Подъ 1114 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ посѣщалъ Ладогу.

По Кіевской лѣтописи, промежутокъ времени отъ 1146 до 1157 года описанъ съ такими подробностями, какія могъ знать только очевидецъ. Подъ 1171 г. лѣтописецъ говоритъ о себѣ, что онъ ѣздилъ въ Вышгородъ за тѣломъ умершаго князя Владиміра Мстиславича. Подъ 1175 годомъ лѣтописецъ, описывая смерть Андрея Боголюбскаго, взываетъ къ душѣ убитаго и проситъ ее молиться за живаго князя, брата

Андреева. Подъ 1180 годомъ Суздальскій лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ участвовалъ въ войнѣ, былъ въ походахъ, что стража непріятельская перешла черезъ рѣку, что *наши* сдѣлали то и то. Подъ тѣмъ же годомъ далѣе: „стороже-ве Романове перебродилися бяху черезъ Оку и укрѣпишася съ *нашими* сторожи, и Богъ поможе *нашимъ* сторожемъ....“ Слово *наши* показываетъ, что лѣтописецъ былъ суздалецъ. Далѣе, подъ 1226 годомъ говорится, что онъ (т. е. лѣтописецъ) стоялъ на стѣнѣ города Галича въ то время, когда къ нему подступали враги и нападалъ король Венгерскій. Подъ 1230 годомъ лѣтописецъ, говоря о событіяхъ въ южной Руси, сказываетъ, что ему сообщали о нихъ очевидцы. Подъ 1279 годомъ говорится о смерти Владиміра Васильковича и прибавляется, что его сынъ живъ еще. Въ 1421 году, по поводу наводненія въ Новгородѣ, лѣтописецъ говоритъ о причинахъ наводненія, сравниваетъ видѣнное имъ лично съ тѣмъ, что записано въ прежнихъ сказаніяхъ. Этихъ свидѣтельствъ достаточно для доказательства, что извѣстія въ нашихъ лѣтописяхъ записывались современниками. Эти два качества нашихъ лѣтописей: офиціальное значеніе, какое они имѣли въ древности, и современность лѣтописателей описываемымъ событіямъ, составляютъ важное достоинство ихъ достовѣрности.

Лѣтописи наши, какъ мы сказали, сначала составляютъ одно цѣлое до начала XII вѣка, именно, до 1110 года; съ этихъ поръ лѣтописное повѣствованіе теряетъ свое единство и начинаетъ развѣтвляться: образуются частныя лѣтописи, повѣствующія о событіяхъ русскихъ земель и присоединяются къ главной, первоначальной лѣтописи. Такъ, въ видѣ продолженія послѣдней, является *кіевская* лѣтопись, обнимающая событія Южной Руси въ XII вѣкѣ, преимущественно Кіева; она прерывается на 1200 годѣ. Съ этаго времени безъ начала, (по всему видно нѣкогда существовавшаго, но теперь утраченнаго) слѣдуетъ лѣтопись, названная *волынскою*, но которая правильнѣе должна быть названа *галицко-волынскою*; она прерывается на

1305 годѣ. Съ половины XII вѣка отъ кіевской лѣтописи отдѣляется лѣтопись *суздальская,* примыкающая къ позднѣйшимъ московскимъ. Ея варіантъ, доведенный до втораго десятилѣтія XIII вѣка, составляетъ лѣтопись *переяславльская.* Въ XIV столѣтіи возникла лѣтопись *тверская,* которой отрывки сохранились въ нѣкоторыхъ спискахъ, перемѣшанныхъ съ частями суздальской. На сѣверѣ образуется свой особый циклъ лѣтописей, посвященныхъ почти исключительно дѣламъ Новгорода и Пскова. Смоленская земля имѣла свою особую лѣтопись, которой обломки вошли въ западно-русскія лѣтописи XIV и XV в. Эти послѣднія, какъ и сѣверныя, составляютъ свой мѣстный циклъ и обнимаютъ событія со времени образованія литовской державы. Существовали еще нѣкоторыя мѣстныя лѣтописи, не дошедшія до насъ въ ихъ первоначальномъ видѣ, но извѣстія изъ нихъ сохранились въ позднихъ редакціяхъ. Таковы лѣтописи: вятская, нижегородская, Устюга Великаго.

По мѣрѣ того, какъ земля русская начинаетъ подходить къ единодержавному укладу, и лѣтописи наши сводятся въ огромные своды, въ которыхъ отдѣльныя лѣтописи опять соединяются вмѣстѣ; таковы своды: Софійскій, Воскресенскій и Никоновскій.

ЛѢТОПИСЬ, ПРИПИСЫВАЕМАЯ НЕСТОРУ.

Первоначальная лѣтопись (до 1110 г.) извѣстна подъ именемъ *несторовой.* Ее приписывали преподобному Нестору, монаху Кіево-Печерскаго Монастыря, извѣстному въ житіяхъ подъ именемъ Нестора, Чудотворца Печерскаго, и доказывали принадлежность ему лѣтописи тѣмъ, что на нѣкоторыхъ спискахъ было надписано имя Нестора. — По свидѣтельству Татищева, Миллера, Карамзина и Перевощикова на нѣкоторыхъ спискахъ написано имя Нестора, а именно: на Хлѣбниковскомъ, на трехъ, извѣстныхъ Татищеву, на архивскомъ; но всѣ такія приписки и надписки сдѣланы переписчиками или владѣльцами

списковъ уже въ позднѣйшія времена, и онѣ доказываютъ только то, что существовало преданіе, приписывавшее Нестору составленіе первоначальной лѣтописи. Другое, приводимое доказательство — это посланіе Кіево-Печерскаго монаха Поликарпа къ Акиндину, помѣщенное въ Патерикѣ. Тамъ говорится, что Несторъ лѣтописецъ написалъ житія преподобныхъ святыхъ Даміана, Іереміи, Матѳія и Исакія: и эти самыя житія есть и въ лѣтописи; по этому заключили, что лѣтопись писалъ Несторъ; сверхъ того, въ нѣкоторыхъ спискахъ при самомъ началѣ лѣтописи находятся заглавіе: *Повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Ѳеодосіева монастыря Нестера*, а въ воскресенскомъ спискѣ, при извѣстіи о погребеніи св. Ѳеодосія, сочинитель даетъ о себѣ знать, что онъ Печерскій инокъ и писалъ лѣтопись (азъ же грѣшный инокъ и лѣтописаніе се въ то время писахъ); въ патерикѣ же этотъ самый лѣтописецъ, бывшій при открытіи мощей св. Ѳеодосія, названъ Несторомъ.

Точно, существовалъ Несторъ, лѣтописецъ печерскій, и дѣйствительно участвовалъ въ составленіи нашей старой лѣтописи; но вся-ли лѣтопись написана Несторомъ? Конечно нѣтъ, когда въ ней же указываются другіе составители. Подъ 1110 годомъ говорится: „игуменъ Сильвестръ написахъ книги си"; а нѣсколько ранѣе, именно, подъ 1098 г. говоритъ о себѣ лично другое лицо, какой-то Василій, жившій не въ Кіевѣ, а во Владимірѣ Волынскомъ; слѣдовательно лѣтопись писана разными лицами.

О Несторѣ мы знаемъ изъ свидѣтельства Поликарпова, что онъ списывалъ житія нѣкоторыхъ святыхъ и эти житія вошли въ лѣтопись. Въ Печерскомъ Патерикѣ говорится о немъ, какъ о лѣтописателѣ Печерскаго монастыря, передавшемъ потомству разсказъ объ открытіи мощей Ѳеодосія. Въ монастыряхъ издавна было въ обычаѣ вести лѣтописныя записки; безъ сомнѣнія они велись и въ Печерскомъ монастырѣ, который рано прославился передъ другими обителями, и потому его записки могли имѣть особенную важность. Вѣроятно, Несторъ

писалъ Печерскую лѣтопись и эта монастырская лѣтопись занесена была въ нашу, какъ одна изъ составныхъ частей ея; вѣроятно все, что въ ней относится къ Печерскому монастырю взято изъ этой монастырской лѣтописи, писанной, между прочимъ, и Несторомъ; но не все, заключающееся въ ней, слѣдуетъ приписывать монаху или вообще Печерской обители, въ особенности разсказы о древнихъ событіяхъ на Руси. Укажемъ на старинное произведеніе нашей литературы: „Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба“. Оно извѣстно намъ по списку XIV вѣка, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что составлено гораздо раньше, ибо въ Публичной Библіотекѣ существуетъ отрывокъ ея, писанный въ XII вѣкѣ. Это сочиненіе составлено Несторомъ, о чемъ говорится прямо: *Се же азъ Нестеръ грѣшный о житіи и о погубленіи и о чудѣсѣхъ святою и блаженою страстотерпцю сею опасиѣ вѣдущихъ исписавы а другая самъ свѣды отъ многихъ мало въписахъ.* Оно представляетъ важныя противорѣчія съ тѣмъ, что сказывается объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ въ лѣтописи. Такъ напр., въ житіи говорится, что до Владиміра святаго ни одного апостола не было въ Россіи,—а въ лѣтописи помѣщена легенда объ апостолѣ Андреѣ, который водрузилъ крестъ на горѣ въ Кіевѣ и доходилъ даже до Новгорода. Въ житіи говорится, что Владиміръ далъ Борису городъ Владиміръ на Волыни, а въ лѣтописи—Ростовъ. Въ житіи говорится, что когда Владиміръ умеръ, то Святополкъ *прибылъ* въ Кіевъ, а въ лѣтописи — что онъ *находился* въ Кіевѣ. Наконецъ, и въ самомъ разсказѣ объ убіеніи Бориса и Глѣба, помѣщенномъ также и въ лѣтописи, есть мѣста, взаимно противорѣчащія. Такъ, въ лѣтописи говорится, что убійцы только ранили Бориса, привезли его на телегѣ еще дышащимъ и Святополкъ приказалъ варягамъ добить его, а въ житіи, — что убійцы, ударивъ Бориса въ сердце, умертвили сразу и привезли его къ Святополку уже мертвымъ. Въ житіи говорится, что когда убійцы пришли умертвить Глѣба, то онъ не зналъ о злодѣйскомъ намѣреніи убить брата, а въ лѣ-

тописи, — что онъ былъ объ этомъ предувѣдомленъ. Наконецъ, по житію Борисъ отправился на войну противъ какихъ-то невѣдомыхъ враговъ, а по лѣтописи — противъ Печенѣговъ.

Всѣ эти противорѣчія показываютъ, что если житіе писано неоспоримо Несторомъ, то лѣтопись никакъ нельзя приписывать ему-же. Кромѣ того, въ самой лѣтописи встрѣчаются такія противорѣчія, которыя были бы невозможны, если бы писалъ ее одинъ человѣкъ, а произошли, конечно, только тогда, когда существовали отдѣльныя части, писанныя разными лицами и уже послѣ сложенныя. Напр., какъ могъ одинъ и тотъ же лѣтописецъ составить сказаніе объ Олегѣ и Владимірѣ, когда при первомъ Переяславль является въ числѣ городовъ Русскихъ, а въ княженіи втораго подробно говорится объ основаніи этого города. Въ лѣтописи подъ 1059 сказано: „въ семъ же лѣтѣ Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ, совокупивше вои безчислены, поидоша на конихъ и въ лодьяхъ безчислено множьство на Торкы. Се слышавше Торци, убояшася, прибѣгоша и до сего дне и помроша бѣгаючи, Божьимъ гнѣвомъ гоними ови отъ зимы, друзіе же гладомъ, ини же моромъ и судомъ Божьимъ“; а подъ 1080 годомъ опять говорится о Торкахъ: „заратишася Торцы Переяславьстіи на Русь; Всеволодъ же посла сына своего Володимера; Володимеръ-же шедъ побѣди Търкы“. Ясно, что писавшій подъ 1059 г. былъ не тотъ, кто писалъ о событіяхъ подъ 1080 г. Эти несообразанности не позволяютъ думать, что всю лѣтопись писалъ одинъ и тотъ же Несторъ.

Еще важнѣе разница въ тонѣ и характерѣ разсказа лѣтописи. Безпристрастіе въ разсказѣ о язычникахъ показываетъ, что многія мѣста въ лѣтописи писаны міряпами, особенно въ началѣ, потому что монахъ XII вѣка никакъ не могъ выразить сочувствія къ язычнику Святославу въ войнѣ его съ Греками. Такой тонъ едва ли могъ придать монахъ, сердцу котораго православная Греція была ближе, чѣмъ языческая Русь. Кто же связалъ эти части? Отвѣтъ мы находимъ въ самой

лѣтописи, гдѣ, подъ 1110 годомъ, встрѣчаемъ слѣдующую приписку: „Игуменъ Сильвестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжацю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624 индикта 9 лѣта, а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ.“ Въ другомъ мѣстѣ, именно, при началѣ лѣтописнаго повѣствованія онъ тоже говоритъ о себѣ, указывая и на время, когда онъ жилъ. Онъ разбиваетъ описываемое древнее время на періоды отъ одного князя до другаго: „отъ смерти Святослава до смерти Ярослава лѣтъ 85, а отъ смерти Ярослава до смерти Святополка лѣтъ 60.“ Смерть Святополка послѣдняя, извѣстная ему эпоха; слѣдовательно, писавшій жилъ при Владимірѣ Мономахѣ, Сильвестръ и говоритъ о себѣ тоже самое. Очевидно, что приведенная выше приписка подъ 1110 годомъ и послѣднее мѣсто, изъясняющее способъ составленія всей лѣтописи, принадлежатъ одному и тому же лицу. Выше того онъ сказалъ о себѣ: „числа положимъ“. И такъ, кто полагалъ числа, то есть, кто разбивалъ повѣсть по годамъ, или, что все равно, составлялъ лѣтопись, тотъ игуменствовалъ при Владимірѣ Мономахѣ; а подъ 1110 годомъ былъ игуменомъ тотъ же Сильвестръ. И такъ, Сильвестръ есть составитель лѣтописи, и лѣтопись по справедливости должна называться Сильвестрова, а не Несторова. Но несходство въ тонѣ, несообразность частей и, наконецъ, встрѣчаемыя противорѣчія показываютъ, что части лѣтописи писаны разными лицами и Сильвестру могутъ принадлежать только ближайшія къ его времени извѣстія, и распредѣленіе по числамъ другихъ съ нѣкоторыми дополненіями. Дѣло Сильвестра есть сводъ отдѣльныхъ сказаній. Этотъ Сильвестръ внесъ въ свой трудъ Несторову лѣтопись Кіево-Печерскаго монастыря, относящуюся до дѣлъ этой обители и составляющую только незначительную часть всей лѣтописи. Не все, что касается Кіево-Печерскаго монастыря, писано Несторомъ. Это можно заключить изъ слѣдующаго обстоятельства: подъ 1051 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о себѣ, говоритъ о прибытіи своемъ

въ Кіево-Печерскій монастырь и о постриженіи отъ Өеодосія. Прежде это мѣсто приписывали Нестору, но въ одномъ рукописномъ патерикѣ XVI вѣка говорится, что Несторъ пришелъ не при Өеодосіи, а при его преемникѣ Стефанѣ, и слѣдовательно извѣстіе, помѣщенное подъ приведеннымъ годомъ, принадлежитъ не Нестору, а какому то другому лѣтописцу, писавшему прежде его.

Приступимъ теперь къ анализу свода, сдѣланнаго Сильвестромъ.

Лѣтопись наша начинается предисловіемъ безъ годовъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ. „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла руская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду руская земля стала есть". Это заглавіе удобнѣе примѣнятся не къ цѣлой лѣтописи, но именно къ одной только повѣсти, составляющей предисловіе къ лѣтописи. Собственно лѣтопись начинается словами: „въ лѣто 6360 индикта 15 наченшю Михаилу царствовати начася прозывати Руска земля;" ибо заглавіе „се повѣсти временныхъ лѣтъ . . ." и проч. показываетъ, что повѣствователь не имѣлъ въ виду разсказывать последовательно судьбу русской земли, а только рѣшить вопросъ: какъ она возникла. Здѣсь два раза употребляется выраженіе „руская земля" и оба раза въ различныхъ значеніяхъ, въ обширномъ и тѣсномъ. Въ первомъ смыслѣ подъ „рускою землею" надо разумѣть всю сумму народовъ, соединенныхъ подъ общимъ именемъ Руси („откуду есть пошла руская земля"), во второмъ же „руская земля" („кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду руская земля стала есть") — это собственно земля кіевская, за которою усвоилось это названіе.

Содержаніе повѣсти составляютъ: происхожденіе Славянъ и ихъ разселеніе, отдѣленіе Славянъ русскихъ отъ другихъ, преданія о судьбѣ славянскихъ народовъ, этнографія русскаго материка и древняя исторія Полянъ. Сказаніе о прибытіи Варяговъ можетъ принадлежать къ той же повѣсти. Самая повѣсть эта носитъ характеръ составности въ свою очередь. Ея начало о раздѣленіи земли между дѣтьми Ноя и о разселеніи

народовъ взято изъ греческаго хронографа Георгія Амартола. Вѣроятно повѣствователь пользовался славяно-болгарскимъ переводомъ Амартола. Тамъ, гдѣ свѣдѣній у Георгія Амартола недостаетъ, русскій лѣтописецъ дополняетъ собственными свѣденіями о народахъ сѣверныхъ, о чемъ у Амартола нѣтъ. Согласно Амартолу, расказываетъ онъ о вавилонскомъ столпотвореніе и прицѣпляетъ къ нему собственное изложеніе о разселеніи Славянъ, говоритъ о пути изъ Варягъ въ Греки и обратно. За тѣмъ слѣдуетъ легенда о св. Андреѣ, потомъ разсказывается исторія Полянъ; разсказъ прерывается исчисленіемъ народовъ въ Руси, описаніемъ судьбы Славянъ дунайскихъ и Дулебовъ, потомъ опять повѣствователь принимается за исчисленіе Славянъ въ Руси, описываетъ ихъ нравы, далѣе снова дѣлаетъ выписку отъ Георгія Амартола о нравахъ разныхъ народовъ, въ паралель къ описаннымъ прежде нравамъ Славянъ, указываетъ при этомъ на Половцевъ, заявляя тѣмъ, что самъ живетъ и пишетъ не ранѣе второй половины XI в., когда Половцы стали извѣстны; далѣе переходитъ снова къ исторіи Полянъ.

Составныя части этой повѣсти: 1) отрывки изъ Георгія Амартола, 2) дополненіе къ нимъ русскаго повѣствователя, 3) легенда о св. Андреѣ, 4) исчисленіе народовъ въ русскомъ мірѣ и 5) исторія Полянъ. Эти части перепутаны. Послѣ смерти Кія, Щека и Хорева помѣщается описаніе народовъ, живущихъ со Славянами на русскомъ материкѣ, потомъ слѣдуютъ дѣла дунайскихъ Славянъ, но это кажется не на мѣстѣ; послѣ смерти трехъ братьевъ непосредственно слѣдовало бы: „по смерти братѣ сея быша обидимы древляни“; допуская же означенныя выше вставки на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ нынѣ находятся, оказывается противорѣчіе, а именно: 1) въ описаніи славянскихъ народовъ говорится: „живяху въ мирѣ Поляне и Древляне“, а въ другомъ мѣстѣ, которое, какъ мы сказали, по своему тону можетъ служить непосредственнымъ продолженіемъ исторіи Полянъ, говорится о Полянахъ: „быша обидимы Древляны“;

2) вставка объ инородцахъ, дающихъ дань Руси, неумѣстна; допуская ее тамъ, гдѣ она стоитъ, выходитъ, что послѣ смерти братьевъ до пришествія не только Хозаръ, но и Обровъ, эти народы платили дань Руси; 3) вставка о пришествіи народовъ на дунайскихъ Славянъ, также не на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что говорится: „Словеномъ же якоже рекохомъ, живущимъ на Дунаи" и подается мысль, что слѣдующія за тѣмъ событія совершились до прибытія Славянъ съ Дуная. Кажется, что у составителя этой повѣсти было какое то сказаніе о судьбѣ Полянъ, которое у него, а можетъ быть у его переписчиковъ, впослѣдствіи разорвалось и перебилось съ другими частями; другой источникъ его былъ Георгій Амартолъ; изъ него-то, кромѣ выписокъ, заимствовано и извѣстіе объ отношеніяхъ Угровъ и Обровъ къ Ираклію; наконецъ составитель прибавилъ собственныя свѣдѣнія о народахъ.

Далѣе начинается лѣтопись съ числами, въ которой намъ особенно бросается въ глаза то, что часто надъ однимъ разсказомъ встрѣчается нѣсколько годовъ, а иногда стоятъ одни годы безъ событій. Г. Сухомлиновъ это объясняетъ тѣмъ, что лѣтописецъ имѣлъ подъ рукою пасхальныя таблицы и вписывалъ туда, что помнилъ; а гдѣ не зналъ о событіи, оставлялъ годы пустыми (*). Дѣйствительно, быть можетъ пасхальныя таблицы и служили Сильвестру для постановки годовъ и повѣрки времени, но тонъ повѣствованія показываетъ, что лѣтописецъ имѣлъ подъ рукой уже готовые разсказы безъ годовъ, разлагалъ ихъ на годы, а тамъ, гдѣ не зналъ, къ какому году отнести событіе, ставилъ при немъ нѣсколько годовъ. Въ другихъ случаяхъ шла рѣчь о такихъ событіяхъ, которыя продолжались нѣсколько лѣтъ, какъ напр. крещеніе Болгарской земли, изгнаніе Варяговъ и проч.; можетъ быть годы были даже выставлены другимъ лѣтописцемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказъ доходитъ до

(*) См. сочиненіе его „О русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ" Спб. 1856.

драмматичности, въ другихъ—едва упоминается о событіи. Послѣднія, вѣроятно, не находились въ повѣствованіи, которое лѣтописецъ разбивалъ по годамъ, и включены имъ или по памяти, или изъ краткихъ письменныхъ извѣстій, отъ того и они кратки и рѣзко отличаются отъ другихъ частей лѣтописи, заключающихъ подробныя повѣствованія.

Основаніемъ Сильвестрова свода служила повѣсть древнихъ лѣтъ, быть можетъ начинавшаяся съ изгнанія Варяговъ, а можетъ быть составлявшая одно цѣлое съ предисловіемъ, не вошедшимъ въ числовую часть. Кромѣ небольшихъ вставокъ, занесенныхъ въ нее лѣтописцемъ при разложеніи ея по годамъ, въ нее внесены еще большія вставки, каковы напр.: лѣтопись Печерскаго монастыря, повѣсть объ убіеніи Бориса и Глѣба, повѣсть о крещеніи Владиміра, договоры князей, духовная Мономаха и проч. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ составилась лѣтопись, ея части существовали отдѣльно, какъ особыя сочиненія: въ этомъ убѣждаетъ насъ общій характеръ нашихъ лѣтописныхъ разсказовъ и въ послѣдующія времена. Наши позднѣйшіе лѣтописные своды составлялись также изъ особыхъ сочиненій и тѣ же самыя части, которыя внесены въ лѣтописи, существуютъ отдѣльно въ сборникахъ, какъ независимыя одно отъ другого повѣствованія; а, соединенныя въ лѣтописи такъ случайно, и тамъ различаются между собою складомъ своего первоначальнаго вида. Точно тоже и въ первомъ, древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ — Сильвестровскомъ. Составныя части его, соединенныя разбивкою по годамъ, сохраняютъ свой отличный характеръ. Тонъ первоначальной повѣсти старыхъ временъ даетъ себя знать повсюду между другими вставками, такъ что, не смотря на смѣшенія, перестановку частей, измѣненія въ слогѣ, совершавшіеся въ теченіи вѣковъ, до сихъ поръ можно прослѣдить его, какъ иногда можно прослѣдить воду одной рѣки, впавшей въ другую. Мѣста, принадлежащія этой повѣсти, и текстъ ея выказываются наружу народнымъ складомъ, простотою выраженія и пластичностью разсказа. Эта первоначальная повѣсть составляетъ, по формѣ разсказа, переходъ отъ эпоса

къ исторіи, но по содержанію принадлежитъ болѣе послѣдней, потому что событія описываются въ ней съ характеромъ дѣйствительности. На ней лежитъ отпечатокъ одной руки; авторъ ея былъ христіанинъ, но не духовное лицо; церковное краснорѣчіе вплетено въ лѣтопись тамъ, гдѣ очевидныя вставки въ повѣсть. Въ тотъ вѣкъ духовное лицо не могло бы удержаться отъ византійскаго образца краснорѣчія, и дѣйствительно, оно вездѣ прорывается, гдѣ только дѣлается ощутительною иная рука — не та, которая писала первоначально повѣствованіе. Возстановить эту древнюю повѣсть было бы возможно до нѣкоторой степени, но это было бы дѣло скорѣе художественное, чѣмъ ученое; и возстановителю пришлось бы руководствоваться скорѣе художественнымъ тактомъ, чѣмъ учеными доводами.

Анализируя числовую лѣтопись или Сильвестровскій сводъ, мы найдемъ въ немъ слѣдующія составныя части:

1) Повѣсть древнихъ лѣтъ, перебитую вставками. Для указанія ея границъ, надобно слѣдить за тономъ разсказчика, сличивъ съ дальнѣйшимъ повѣствованіемъ. Она оканчивается за нѣсколько лѣтъ до смерти Ярослава, можетъ быть 1043 годомъ, послѣднимъ походомъ Русскихъ на Грецію, потому что впослѣдствіи тонъ разсказа значительно измѣняется, прежняя простота изчезаетъ и становится ощутительнымъ господство риторики.

2) Лѣтопись, или повѣсть Печерская въ сводѣ является подъ 6559 годомъ. Ей предпослано, можетъ быть, самимъ сочинителемъ, а можетъ быть и составителемъ свода выраженіе въ качествѣ заглавія: „се до скажемъ что ради презвалъ Печерскій монастырь“. За этими словами начинается очевидный текстъ Печерскій лѣтописи „Боголюбивому князю Ярославу“ и проч. Говорится объ основаніи Печерской обители словами самого монастырскаго повѣствователя: „се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зовети Печерскій и о Ѳеодосіевѣ житіи потомъ скажемъ“. Числовой лѣтописецъ (сводчикъ) прерываетъ сказаніе монастырскаго повѣствователя и включаетъ другія извѣстія. Слѣдующія по порядку въ Печер-

*

ской повѣсти мѣста, являются въ сводѣ подъ 1704 годомъ о Ѳеодосіѣ и другихъ святыхъ, и прекращаются подъ тѣмъ же годомъ словами: „ему же слава аминь". Потомъ слѣдуютъ событія, взятыя изъ другихъ источниковъ; а подъ 1901 годомъ опять возобновляется монастырское повѣствованіе, разсказывающее о перенесеніи мощей преподобнаго Ѳеодосія и оканчивается словами: „моли за мя отче честный избавлену быти отъ сѣти непріязпены и отъ противнаго врага соблюди мя твоими молитвами". Подъ 1090 годомъ включено изъ той же повѣсти извѣстіе о нападеніи Боняка на монастырь.

3) Разсказъ о Кириллѣ и Меѳодіи и о просвѣщеніи Славянъ. Такихъ разсказовъ было много въ старину по славянски, особенно въ Панноніи. Житіе, помѣщенное въ нашей лѣтописи, принадлежитъ къ этому послѣднему циклу, но заключаетъ въ себѣ отличительныя подробности.

4) Договоры Олега, Игоря и Святослава, какъ можно думать, переведенные съ Греческаго и внесенные въ переводѣ въ сводъ цѣликомъ.

5) Исторія обращенія св. Владиміра. Источники ея до нѣкоторой степени указаны г. Сухомлиновымъ въ его сочиненіи о русской лѣтописи. Основаніемъ этой исторіи служитъ житіе св. Владимира. Подобное житіе, напечатанное въ „Христіанскомъ Чтеніи" за 1849 г., приписывается монаху Іакову. Лѣтописное житіе имѣетъ съ нимъ сходство, но также и различія и можетъ считаться его варіантомъ. Сверхъ житія, въ эту исторію вошло поученіе греческаго философа Владиміру, гдѣ повѣствованія о событіяхъ священной исторіи заимствованы изъ св. Писанія изъ Палеи. Есть сказанія, не находящіяся въ извѣстныхъ намъ варіантахъ Палеи Дамаскина и, можетъ быть, взяты изъ другихъ. Кромѣ того, въ ту же исторію вошло исповѣданіе вѣры, переводъ съ греческаго подлинника Михаила Синкела. Переводъ находится также въ Святославскомъ сборникѣ 1073 года.

6) Исторія Бориса и Глѣба составляетъ сокращеніе пространнаго житія, сочиненнаго монахомъ Іаковомъ и извѣстнаго по

печатаному изданію въ „Извѣстьяхъ 2 Отдѣленія Академіи Наукъ" 1852 и 1853 года.

7) Духовная Мономаха.

8) Благочестивыя поученія, которыя очевидно должны быть проповѣдями того же времени. Таково подъ 1067 годомъ по поводу половецкаго нашествія отъ словъ: „Напіцетъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьники на землю" до словъ: „да сего ради казни пріемлемъ отъ Бога всяческыя и нахоженья разныя по Божью повелѣнью пріемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ". Подъ 1078 г. послѣ описанія смерти Изяслава риторическое размышленіе, должно думать, есть проповѣдь, говоренная при его погребеніи. Подъ 1093 г., по поводу нашествія Половцевъ, опять явно проповѣдь, начиная со словъ: „се бо на ны Богъ попусти. . . . ." до словъ: „се бо азъ согрѣшаю по вся дни".

9) Разсказъ о кудесникѣ подъ 1071 годомъ, какъ не принадлежащій къ исторіи Южнорусскаго края, есть очевидно особый эпизодъ, внесенный въ сводъ.

10) Тоже надобно сказать о разсказѣ Поряты, говорящаго о Югрѣ; а прикрѣпленный къ нему разсказъ объ Александрѣ Македонскомъ, и о заключенныхъ имъ въ горы грѣшникахъ, взятъ изъ Меѳодія Патарскаго, котораго славянскіе переводы существовали въ старину.

11) Разсказъ о Василькѣ.

12) Извлеченія изъ византійскихъ писателей; напримѣръ, по поводу находки урода въ Ситомли, приводятся мѣста о подобныхъ необычныхъ событіяхъ при Антіохѣ въ Іерусалимѣ, тоже при Неронѣ, при Нифонтѣ, при Маврикіѣ, при Константинѣ Иконоборцѣ.

Лѣтопись, какъ исторія народной жизни, вообще представляетъ много интереснаго и драгоцѣннаго, но особеннаго вниманія заслуживаютъ мѣста, содержащія описаніе быта и нравовъ древнѣйшихъ Славянъ, еще до пришествія Варяговъ, отношенія сла-

вянскихъ племенъ между собою, напр. борьба Полянъ съ Древлянами, интересная исторія Владиміра и жизнь его послѣ принятія христіанства, геройскія войны съ Греками и Половцами, разсказъ объ ослѣпленіи Василька и проч.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТІЯ.

КІЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Непосредственнымъ продолженіемъ Сильвестровой лѣтописи служитъ лѣтопись *кіевская*, сохранившаяся до 1200 года, на которомъ прерывается дошедшая до насъ часть ея. То, что въ ней сохранилось, можетъ быть раздѣлено на двѣ части: въ первой (до 1146 г.) лѣтопись представляетъ неравномѣрный въ объемѣ описанія сборникъ разныхъ событій: однѣ расказываются пространнѣе, другія короче; вообще разсказъ идетъ отрывочнѣе, чѣмъ въ Сильвестровскомъ сводѣ; но во второй части (послѣ 1146 г.) лѣтопись принимаетъ характеръ подробнаго разсказа и дѣлается полнѣе и оживленнѣе; лѣтописецъ говоритъ о себѣ, подъ 1171 и 1172 г., при описаніи перенесенія тѣла Владиміра Мстиславича, (поидохомъ съ Володимиромъ изъ Вышегорода). Соображая, кто-бы могъ быть этотъ, говорящій о себѣ, можно открыть, что это былъ Симеонъ, игуменъ Андреевскаго монастыря въ Кіевѣ, ибо выше того говорится, что князь Глѣбъ послалъ въ Вышгородъ взять и привести въ Кіевъ тѣло умершаго князя Владиміра Андреевича,

двухъ игуменовъ, Печерскаго Поликарпа и Андреевскаго Симеона. Черезъ нѣсколько строкъ послѣ этого извѣстія, говорится: „поидохомъ съ Володимеромъ (мертвымъ)“. Пишущій такимъ образомъ долженъ быть кто-нибудь изъ двухъ: либо игуменъ Печерскій Поликарпъ, либо Андреевскій Симеонъ; но ниже о Поликарпѣ говорится въ третьемъ лицѣ: *игуменъ же, рече Поликарпъ*; слѣдовательно, говорящій о себѣ въ словѣ *поидохомъ* долженъ быть товарищъ его, игуменъ Симеонъ. Впрочемъ, нельзя предполагать, чтобы вся эта лѣтопись была сложена имъ однимъ и потому уже, что она обнимаетъ время больше, чѣмъ заключаетъ обычное теченіе человѣческой жизни, и также потому, что оказываются разныя руки въ ея составѣ, ибо при подробнѣйшемъ разсмотрѣніи видно, какъ явно отличается первая часть отъ второй. Гранью между Сильвестровской и Кіевской лѣтописями слѣдуетъ принять извѣстіе о походѣ Владиміра Мономаха съ князьями на Половцевъ. Этотъ разсказъ долженъ быть отдѣльнымъ эпизодомъ отъ всей Кіевской лѣтописи по своему особенному стилю.

На самой границѣ ея съ Сильвестровымъ сводомъ, подъ 1111 годомъ, разсказывается о походѣ на Половцевъ; въ началѣ этого описанія говорится о сеймѣ и о совѣтѣ, который держали Владиміръ Мономахъ, Игорь, Святополкъ, Олегъ и другіе князья въ Долобьскѣ, близь Кіева. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ тоже событіе помѣщено подъ 1103 годомъ. Обстоятельства похода тамъ и здѣсь описаны такъ бѣдно, что не знаешь, къ какому году правильнѣе слѣдуетъ ихъ отнести. Видно, что описаніе этого похода есть эпизодъ, внесенный въ послѣдствіи въ Кіевскую лѣтопись, составляя первоначально самобытно сочиненное сказаніе. Это доказывается и словомъ *аминь* на концѣ, которое въ нашей древней литературѣ употреблялось при окончаніи сочиненія. Подъ 1094 годомъ помѣщенъ анекдотъ о стеклянныхъ глазкахъ, выбрасываемыхъ волнами Волхова, и о бѣлкахъ и оленяхъ, падающихъ съ облаковъ въ Югрѣ; по поводу этого послѣдняго факта онъ приводитъ мѣсто изъ хронографа Малалы о сере-

бряныхъ крохахъ пшеницы и калачахъ, спадающихъ съ неба (*) и о египетскомъ миѳѣ Ѳеоста, состоящемъ въ аналогіи со славянскимъ миѳомъ о Сварогѣ и Дажьбогѣ. О дивахъ въ Ладогѣ и Югрѣ разсказъ взятъ отъ лица, бывшаго въ Ладогѣ и слышавшаго отъ ладожскаго посадника и ладожскихъ жителей. Эти мѣста должны были или составлять особый разсказъ, случайно занесенный переписчиками въ кіевскую лѣтопись, или же онъ впослѣдствіи перешелъ туда изъ новгородскихъ лѣтописей, ибо приведенъ по случаю построенія въ Ладогѣ. Его складъ особый; кіевская лѣтопись постоянно вращается въ кругу событій, относящихся къ Южной Руси, нигдѣ не занимается дѣлами Сѣвера и извѣстіе о поправкѣ Ладоги совсѣмъ не идетъ къ ней, ибо она не говоритъ ни о внутреннемъ бытѣ Новгорода, ни о его пригородахъ.

И такъ, въ Кіевскую лѣтопись входили мѣста, не принадлежащія ей собственно. Анализируя ея, открывается, что она, какъ и Сильвестровскій сводъ, разлагается на составныя части. Въ началѣ, послѣ 1111 года, лѣтопись состоитъ изъ краткихъ отрывковъ, не связанныхъ между собою единствомъ содержанія и только съ прибавленіемъ словъ: „того же лѣта“, или „въ томъ же лѣтѣ“; подъ одними годами событій болѣе, подъ другими менѣе; напр. подъ 1119 г. два событія упоминаются отрывисто: „Володимеръ взя Менескъ у Глѣба у Всеславича, самого приведе Кыеву. Томъ же лѣтѣ преставися Глѣбъ въ Кіевѣ Всеславичь, сентября 13“. Напротивъ, подъ 1117 г. такихъ событій, такимъ же образомъ изложенныхъ, семь сряду. Встрѣ-

(*) Въ се-же лѣто заложена бысть Ладога каменіемъ на приспѣ, Павломъ посадникомъ при князѣ Мьстиславѣ. Пришедшю ми въ Ладогу, повѣдоша ми Ладожане, яко сдѣ есть, егда будетъ туча велика, и надять дѣти наши глазкы стекляныи, и малыи, и великыи, провертаны; а другые подлѣ Волховъ беруть, ежа выполоскываетъ вода, отъ нихъ же взяхъ же болѣ ста; суть же различни. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: се не дивно; и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядъ, яко видивши сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица млада“. . . и проч. См. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 5.

чаются годы, подъ которыми разсказы довольно подробные, а потомъ, въ видѣ добавленій, идетъ краткій перечень нѣсколькихъ событій одного за другимъ, съ прибавленіемъ выраженія „того же лѣта“ или „въ томъ же лѣтѣ“. Нельзя сказать, чтобы эти отрывочныя мѣста приводились всегда по ихъ важности; такъ, подъ 1125 г. лѣтописецъ не пишетъ ничего, достойнаго воспоминанія; напр., что въ этомъ году умерла вдова Святополка-Михаила (сына Ярослава Изяславича Туровскаго), которая ровно ни чѣмъ не замѣчательна въ исторіи. Но подобныя событія, не носящія признаковъ политической важности, означены не только годами, а иногда числами. Такія событія обыкновенно: смерть князей, княгинь, духовныхъ сановниковъ. Ясно, что они занесены въ лѣтопись изъ синодиковъ, куда вносились для поминовенія въ монастыряхъ и церквахъ; подъ иными событіями выставлены и самые дни и недѣли, когда они произошли. Такъ напр., о смерти Всеволода Мстиславича говорится, что онъ скончался во Псковѣ въ 1138 г. 11 февраля, въ четвергъ на масляной недѣлѣ. Видно, что съ такою точностью событіе могло быть записано только во Псковѣ; слѣдовательно, или лѣтописецъ получалъ свои извѣстія изъ разныхъ мѣстъ или, можетъ быть, лѣтопись, уже составленная по годамъ, ходила по рукамъ и къ ея извѣстіямъ прибавлялись новыя. Также съ мелочною, хронологическою подробностью записаны естественныя явленія, считавшіяся предвозвѣстительными и, вѣроятно, записываемыя при церквахъ священниками, а оттуда внесенныя въ лѣтопись. Вообще, однако, подобныя краткія и точныя извѣстія относятся къ Кіеву; даже и такія, которыя говорятъ о событіяхъ, совершившихся въ другихъ городахъ могли быть записаны въ Кіевѣ; напр., о поставленіяхъ владыкъ, которые не могли занять своего епархіальнаго мѣста безъ того, чтобы не принять прежде посвященія въ Кіевѣ. Тѣ событія, которыя случились въ Кіевѣ, носятъ на себѣ характеръ большей подробности.

Подъ 1115 годомъ, разсказывается о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, при чемъ лѣтописецъ былъ не только очевид-

цемъ, но и участникомъ. Изъ варіанта, извѣстнаго Татищеву, видно, что этотъ разсказъ принадлежитъ Сильвестру—тому, который составилъ сводъ. Способъ излагать событія краткимъ упоминовеніемъ идетъ до 1135 г.; а съ этого времени разсказъ дѣлается подробнѣе, особенно, когда говорится о междоусобіяхъ Мономаховичей и Ольговичей, при чемъ замѣтно, что разсказщикъ находится на сторонѣ первыхъ: „Ярополкъ съ дружиною.... устремишася боеви, мнящe, яко не стояти Олговичемъ противу *нашей* силѣ" (1136 г).

Съ 1138 по 1140 г. снова идутъ короткія, отрывочныя извѣстія; съ 1140 по 46 г. лѣтопись была въ другихъ рукахъ; разсказъ дѣлается подробнѣе, но перемѣшивается съ короткими, отрывочными извѣстіями; при княженіи Всеволода помѣщается исторія полоцкихъ князей и событія съ Мстиславомъ, уже умершимъ. По всему видно, что эта часть лѣтописи есть сборникъ разсказовъ и отрывочныхъ записокъ, значительно пострадавшихъ; подъ 1145 годомъ, говоря о насильственной смерти Петрока мужа лядьскаго князя Владислава, припоминается о томъ, что этотъ Петрокъ взялъ лестью Володаря, мучилъ его и ограбилъ, и при этомъ замѣчается: *о немъ же бѣ въ заднихъ лѣтѣхъ писано*, тогда какъ прежде объ этомъ не было ничего. Съ 1146 г. лѣтопись принимаетъ характеръ непрерывнаго повѣствованія и ясно составляетъ другое сочиненіе противъ предыдущей части. Это сплошная повѣсть о военныхъ событіяхъ, относящихся къ судьбѣ Игоря Ольговича и къ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ дядею своимъ Юріемъ Суздальскимъ. Только современникъ могъ описывать эпоху съ такими подробностями. Невозможно предполагать, чтобы составитель былъ монахъ; участіе, принимаемое имъ въ военныхъ событіяхъ, знакомитъ съ военною жизнью, заставляетъ думать, что это былъ кто-нибудь изъ міряпъ; и дѣйствительно, подъ 1151 г., описывая битвы Изяслава Мстиславича съ Юріемъ, разсказщикъ называетъ сторону, гдѣ находится князь Изяславъ, *нашею*; даже онъ былъ участникомъ политическихъ событій, ибо говоритъ о

князѣ: „и рече слово его же и переже слышахомъ", тогда какъ это слово было сказано княземъ къ войску. О церковныхъ событіяхъ не упоминается, кромѣ дѣла митрополита Клима, но безъ всякихъ размышленій. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ лѣтописецъ не приводитъ нравственныхъ сентенцій и мѣстъ изъ Священнаго Писанія, какъ это дѣлали духовные; драматическая форма очень развита: князьямъ влагаются въ уста длинныя рѣчи; переходы войскъ, ихъ вооруженіе и количество описаны чрезвычайно подробно.

Характеръ Кіевской лѣтописи измѣняется съ 1156 года и она явно переходитъ въ другія руки. Доказательствомъ этого служитъ во 1) то, что съ 1146 по 1156 г. почти нѣтъ ничего о другихъ княжествахъ, исключая *тѣхъ* случаевъ, когда въ нихъ происходятъ событія, имѣющія отношеніе къ Кіеву; если упоминается напр., о Новгородѣ, то только по отношенію къ Кіеву; такъ, говорится, что въ Новгородъ прибылъ Изяславъ Мстиславичъ; но съ 1156 года допускается подробное изложеніе событій въ другихъ княжествахъ, независимо отъ Кіева, напр., упоминается о дѣлахъ въ землѣ Кривской, о войнѣ Рогвольда Минскаго съ Ростиславомъ Глѣбовичемъ и о дѣлахъ галицкихъ, о которыхъ у прежняго лѣтописца говорится только по отношенію къ кіевскимъ событіямъ; теперь же разсказываются такія дѣла, какъ ссора Ярослава съ Іоанномъ Берсадникомъ —событіе исключительно мѣстное; подъ 1161 г. — о дѣлахъ Новгородскихъ; подъ 1167 — о дѣлахъ Черниговскихъ; подъ 1168 г. о смерти Ростислава Мстиславича Смоленскаго съ подробностями, которыя могли быть записаны только въ Смоленскѣ; о дѣлахъ церковныхъ также говорится гораздо полнѣе; во 2) то, что подъ 1156 г. упоминается объ архіепископѣ Нифонтѣ, и при этомъ лѣтописецъ говоритъ о себѣ, какъ о духовномъ лицѣ, ибо прибавляетъ, что Нифонтъ ввелъ его въ алтарь, и расточаетъ похвалы Нифонту, тогда какъ прежде говорилось съ участіемъ о врагѣ его Климѣ. Это показываетъ, что здѣсь пишетъ не тотъ, который писалъ прежде;

въ 3-хъ), въ Лаврентьевскомъ спискѣ, въ которомъ помѣщено сокращеніе Кіевской лѣтописи, изложенной полнѣе въ Ипатіевскомъ спискѣ, именно съ 1157 года, начинается разница; видно, что переписчикъ, сокращавшій Кіевскую лѣтопись и внесшій её въ Лаврентьевскій списокъ, имѣлъ подъ руками и пользовался только тою ея частію, которая доходитъ до 1157 года и не зналъ того, что̀ находится въ Ипатіевскомъ спискѣ съ 1157 года; но съ 1172 г. въ Кіевской лѣтописи начинаются снова отрывки, которые находятся и въ Лаврентьевскомъ спискѣ. Сказаніе о нашествіи Половцевъ и о побѣдѣ надъ ними князя Глѣба — въ Лаврентьевскомъ отнесено къ 1169 г., а въ Ипатіевскомъ къ 1172 г. Это обстоятельство позволяетъ предполагать, что сказаніе было писано другимъ, не тѣмъ, который писалъ о событіяхъ, по Ипатіевскому списку, до 1172 года, ибо составителю Лаврентьевской лѣтописи оно было извѣстно, когда прежнее оставалось неизвѣстнымъ; событіе осады Вышгорода, князьями посланными Андреемъ, противъ Мстислава Ростиславича въ Ипатіевскомъ спискѣ описано подробно, въ Лаврентьевскомъ кратко и не видно, чтобы послѣднее было сокращеніемъ перваго; за то дальше, о смерти Святослава Юрьевича, одно и тоже. Изъ этого видно, что составители пользовались отрывками, изъ которыхъ одни были, а другіе не были въ тѣхъ или другихъ рукахъ. Разсказъ о смерти Андрея Боголюбскаго составляетъ эпизодъ въ кіевской лѣтописи; онъ не вяжется съ остальнымъ ходомъ, исключительно посвященнымъ кіевскому краю и, заключая въ себѣ событія Суздальской земли, представляетъ образчикъ, какъ впослѣдствіи лѣтописи смѣшивались, изъ однихъ мѣстъ заходили въ другія. Разскащикъ подробно распространяется о построеніи храма во Владимірѣ; безъ сомнѣнія этотъ разсказъ писанъ въ Суздальской землѣ.

Съ 1175 года Кіевская лѣтопись опять переходитъ въ другія руки, ибо характеръ ея снова измѣняется. Лѣтописецъ наглядно и почти драмматично повѣствуетъ о походѣ на Половцевъ, которымъ прибираетъ изъ Библіи различныя названія.

Особенно замѣчательно здѣсь поэтическое описаніе похода Игоря Святославича Сѣверскаго и брата его Всеволода противъ Половцевъ (1185 г.). Эта часть писана въ Кіевѣ, ибо лѣтописецъ, описывая естественныя явленія, бывшія въ галицкой землѣ, прибавляетъ, что въ кіевской тогда не видно ничего подобнаго. Лѣтописецъ любитъ описывать характеръ князей и народа, вдается въ разныя подробности, рисуетъ даже наружность князей и употребляетъ нравственныя сентенціи, чего не было прежде; напр. „умре, отдавъ общій долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому роженому“, или: „Богъ возносящихся смиряетъ“, или: „не любитъ Богъ высокихъ мыслей“. Половцевъ называетъ безбожниками, Агарянами, сатанины или нечистыя изчадія и проч. Придерживаясь преимущественно южно-русскихъ событій, лѣтописецъ касается событій и другихъ княжествъ, такъ напр., подъ 1180 г. говорится объ участи рязанскихъ князей, и лѣтописца особенно занимаетъ описаніе войнъ Русскихъ съ инородцами и Новгородцевъ съ Чудью. Онъ преимущественно говоритъ о войнахъ Русскихъ съ Половцами, о которыхъ оставилъ намъ интересныя извѣстія: описываетъ ихъ бытъ, нравы, наружность и приводитъ даже имена нѣкоторыхъ ихъ князей. Особенность слога замѣчательна и въ этой лѣтописи. Такъ, употребляется два раза слово *полкъ* въ смыслѣ войска, а также встрѣчается выраженіе *русальная недѣля*, чего прежде не было. Все это доказываетъ, что съ 1175 г. Кіевская лѣтопись составляетъ произведеніе другого лѣтописца.

Въ Ипатіевскомъ спискѣ Кіевская лѣтопись прерывается подъ 1202 г., построеніемъ ограды около монастыря Выдубскаго, при чемъ лѣтописецъ расточаетъ похвалы Рюрику Мстиславичу — это родъ проповѣди; но не должно думать, что она здѣсь и прекращается: въ Лаврентьевскомъ спискѣ мы видимъ ея слѣды, но въ сокращенномъ видѣ, хотя съ этого мѣста начинается собственно Суздальская лѣтопись; такъ, помѣщенные въ немъ разсказы: подъ 1204 г. о разореніи Кіева Ольговичами и Половцами, подъ 1224 о походѣ князей противъ Татаръ и битва при Калкѣ, принадлежатъ Кіевской лѣтописи.

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Продолженіе Ипатіевскаго списка подъ 1202 г. составляетъ лѣтопись, обыкновенно называемую *волынскою*, но которую правильнѣе бы назвать *галицко-волынскою*, ибо она не только составлялась на Волыни, но также и въ Галичѣ, и на первомъ планѣ въ ней стоятъ дѣла галицкія. Она оканчивается 1305 г. и, слѣдовательно, уже по одному этому не можетъ считаться произведеніемъ одного лица. Начало ея не дошло до насъ; можетъ быть внесенныя въ кіевскую лѣтопись мѣста, подробно разсказывающія о галицкихъ дѣлахъ, принадлежатъ ей; и дѣйствительно, есть извѣстія до 1202 г. напоминающія тонъ и складъ галицко-волынской лѣтописи болѣе, нежели остальныхъ мѣстъ кіевской. Подъ 1145 г. упоминается о хитромъ взятіи Володаря Ляхами и при этомъ замѣчается, что въ заднихъ лѣтахъ о томъ писано, тогда какъ объ этомъ подробнаго извѣстія нѣтъ; а у Длугоша оно ошибкою отнесено къ Ярополку, вмѣсто Володаря; но сверхъ того было въ этой, пропавшей для насъ части лѣтописи, и то, что теперь не вошло ни въ какія изъ нашихъ списковъ. У Длугоша встрѣчается нѣсколько извѣстій о галицкихъ событіяхъ, о чемъ скажемъ подробно при разборѣ Длугоша, какъ источника для русской исторіи. Но Длугошъ, сколько видно изъ хода извѣстій о Россіи, черпаетъ ихъ изъ русскихъ лѣтописей; поэтому и то, чего мы не находимъ теперь въ извѣстныхъ намъ спискахъ, почерпнуто вѣроятно изъ нихъ же, и можетъ быть преимущественно изъ галицко-волынской лѣтописи, такъ напр., исторія Романа Мстиславича, его послѣдній походъ въ Польшу и смерть — что также сохранилось у другого Польскаго историка, Кадлубка.

Галицкая лѣтопись занимается исключительно дѣлами югозападной Руси, Галича и Волыни; она совершенно отрѣшается отъ восточной Руси и вводитъ насъ въ свой особый мѣстный міръ.

Гораздо чаще и подробнѣе излагаются дѣла венгерскія и польскія: мы видимъ, что Червоная Русь вошла въ то время въ западный міръ и находилась съ этими странами въ постоянныхъ связяхъ.

Лѣтопись писана современниками; подробности въ такомъ видѣ, какъ въ ней изложены, не могли быть записаны иначе, какъ самыми близкими къ нимъ лицами; въ описаніи, напр., князей, упоминается о масти лошадей, на которыхъ они сидѣли верхомъ, очерчиваются иногда наружныя примѣты описываемыхъ лицъ, напр., одинъ называется лисицею, по краснотѣ кожи его тѣла. Ни въ какомъ случаѣ нельзя полагать, чтобы составители ея были монахи, напротивъ видны люди мірскіе, участники политическхъ событій: подъ 1226 г. лѣтописецъ упоминаетъ о себѣ и о своемъ участіи въ защитѣ Галича—онъ былъ сторонникомъ князя Мстислава; подъ 1242 г. также слѣды очевидца, по тону разсказа. О церковныхъ дѣлахъ почти нѣтъ ничего, а все вниманіе обращено на мірскія. Не рѣдко встрѣчаются характеристическія замѣчанія о лицахъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ въ прежнихъ лѣтописяхъ, не безстрастныя, скромныя сентенціи на одинъ складъ, не одностороннія сужденія, но рѣзкіе и сильные отзывы участника событій. Складъ лѣтописи блещетъ поэзіей, но не той поэзіей простоты первобытнаго разсказа, какъ въ первой повѣсти, служившей основою Сильвестрову своду, а цвѣтистой, удалой, раскидистой поэзіей, напоминающей пѣснь о полку Игоревѣ, напр., „пришедшимъ орломъ и многимъ вороном, яко облаку велику играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщущимъ и плавающимъ крылома своима и воспрометающимся на воздусѣ“, или напр., „щитъ ихъ, яко зоря бѣ, шеломъ же ихъ, яко солнцу восходящу“. Замѣчательная особенность слога есть частое, почти безпрестанное употребленіе Дательнаго самостоятельнаго (Dativus absolutus) и это уже показываетъ страсть къ образности и поэтическую натуру писателя. Но тѣмъ не менѣе, галицкая лѣтопись не отличается ясностью изложенія; ея качество, можно сказать, таково, что многія мѣста, взятыя отдѣльными періодами, пред-

ставляютъ изящный образъ; но съ соединеніемъ ихъ мало стройности; по этому въ ея составѣ, не смотря на поэтическій колоритъ разсказа, есть какая-то тяжеловатость.

Лѣтопись прекращается собственно на 1300 годѣ, ибо краткія извѣстія, послѣ приписанныя, очевидно присоединены впослѣдствіи; во-первыхъ, годомъ заходятъ назадъ, во-вторыхъ являются слова позднѣйшаго склада, какъ напр., *Крижаки Прускіе Кданскъ взяли и збурили, изотали: лошата; Люблинъ Ляхи отшукали отъ Руси.*

Лѣтопись галицко-волынская была, какъ видно, сначала написана въ видѣ повѣсти безъ годовъ и неискусно разбита на годы уже послѣ. Достойно замѣчанія, что почти нигдѣ нѣтъ, обыкновенныхъ у прежнихъ лѣтописцевъ, отрывочныхъ замѣчаній: въ тоже лѣто или того же года случилось то-то. Неоднократно случается, что въ годахъ, въ которыхъ лѣтописецъ не могъ помѣстить изъ сплошнаго разсказа ничего, потому что по своей хронологіи не находилъ ничего къ этому удобнаго, вставлено выраженіе: „въ лѣто (такое-то) не бысть ничтоже“ и при этомъ видна вставка очень ясно, ибо между предшествовавшимъ этой вставкѣ и послѣдующимъ не прерывается грамматическая связь, напр., „Данилови же, пріѣхавшю въ Володимерь.“

Въ лѣто 6722 бысть тишина.

Въ лѣто 6723 Божіимъ, повелѣніемъ присламп князи Литовьскіи и проч.

Случается также, что въ такихъ мѣстахъ происходитъ грамматическая безсвязность, какъ напр.: „и Данилъ воротися въ Володимерь, отъиде отъ Бѣлза.

Въ лѣто 6730. Не бысть ничто же.

Въ лѣто 6731. Данила и Василка Романовичю бѣаху Володимерьскыи пискупѣ“.

Распредѣлитель по числамъ переставлялъ мѣста повѣсти или разсказа, измѣнялъ и вставлялъ свое: напр., вслѣдъ за приведенными словами „Володимерскыи пискупѣ“ излагается исторія

Володимерскихъ епископовъ и основаніе епископіи въ Холмѣ — тирада, не принадлежащая явно къ разсказу и въ ней говорится: „созда (Даніилъ) градъ, именемъ Холмъ (созданіе же его иногда скажемъ)". Это подъ 1223 г., а о созданіи Холма говорится подробно подъ 1259 годомъ. Подъ этимъ же годомъ читаемъ: „Якоже древле писахомъ во Куремьсину рать;" здѣсь слово *древле* не кстати, ибо эта Куремьсина рать была (по той же лѣтописи) въ томъ же году. Я полагаю, что эти мѣста разставлены изъ разсказа числопоставщикомъ, ибо онъ самъ намѣкаетъ на это словами: „хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же возступати въ задняя". Это понимать слѣдуетъ такъ, что тотъ, который составлялъ численную лѣтопись, почелъ нужнымъ переставлять изъ разсказа мѣста. Эти-то переставки причиною, что, начиная о какомъ нибудь событіи, лѣтописецъ вдругъ прерываетъ его, говоритъ о другомъ, и потомъ возвращается къ прежнему съ словами: „мы же на прежнее возвратимся." Такъ, подъ 1282 г. началъ онъ говоритъ о приходѣ Татаръ, подъ предводительствомъ Ногая и Телебуга, потомъ, не окончивши, разсказываетъ о войнѣ съ Болеславомъ, сказавши вышеприведенную фразу. Предъ окончаніемъ лѣтописи, мѣсто о послѣднихъ дняхъ Владиміра Васильковича, очевидно есть особая повѣсть, вклеенная въ лѣтопись; оно отличается и характеромъ повѣствованія, и предметомъ, и даже языкомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно написано современникомъ и при томъ человѣкомъ, близкимъ къ этому князю, жившимъ въ княженіе Мстиславово. Эти мѣста принадлежатъ къ дѣйствительной волынской лѣтописи, которая здѣсь и прерывается, ибо послѣ того слѣдуютъ подъ 1290 и 1291 годами уже не чисто волынскія дѣла и потому, кажется, занесены въ лѣтопись изъ другаго источника, нежели предыдущія событія, тѣмъ болѣе, что тогда о Львѣ Даниловичѣ говорится съ бо́льшимъ расположеніемъ, чѣмъ прежде.

Мнѣ кажется, что всматриваясь въ переходъ тоновъ въ слогѣ лѣтописи и въ характерѣ разсказа, лѣтопись раздвояется

именно 1261 годомъ. Подъ 1260 г. перерывъ: „посилаша Льва и Шварня во нь изъ Володиміря, река имъ: аще вы будете у мене вамъ ѣздѣтѣ въ станы къ нимъ, ажели азъ буду....“ Вслѣдъ за тѣмъ разсказъ уже переходитъ во Владиміръ; въ прежней половинѣ лѣтописи лѣтописецъ разсказываетъ, имѣя какъ будто въ виду на первомъ планѣ личность Данила и Галицкую Русь, а съ этого времени разсказъ вращается около Владиміра Волынскаго и князей этого края, Василька и Владиміра, его сына. Подъ 1264 г. говорится объ убійствѣ Войшелгомъ Остафья и прибавляется: „о немъ же передѣ псахомъ“, а прежде нѣтъ о немъ ничего; видно, что позднѣйшій лѣтописецъ не все вставилъ, и кое что пропущено изъ тѣхъ матеріаловъ, которые могли служить ему.

Лѣтопись галицко-волынская кромѣ событій, относящихся до югозадной Руси: Галицкой и Волынской земель, составляетъ лучшій источникъ для исторіи Литвы, въ самый первый періодъ ея появленія на политическомъ поприщѣ, ибо описываетъ набѣги Литовцевъ на южную Русь съ начала XIII вѣка, потомъ событія при Миндовгѣ и Войшелгѣ и послѣ того, хотя вообще послѣ Тройдена извѣстія о литовскихъ дѣлахъ становятся отрывистѣе. Кромѣ того, эта лѣтопись знакомитъ насъ отчасти съ Ятвягами и составляетъ почти единственный источникъ о судьбѣ этого народа, вообще ускользнувшей изъ исторіи. О Ятвягахъ упоминается по поводу войнъ съ ними Данила; есть нѣсколько чертъ ихъ быта и даже вѣрованій. Собственно для русской народной жизни эта лѣтопись хотя не представляетъ полнаго источника, но заключаетъ въ себѣ множество удачныхъ и рѣзкихъ чертъ, которыя, будучи сгруппированы между собою, могутъ навести на болѣе или менѣе вѣрныя заключенія; такъ, въ первой половинѣ является характеръ Галичанъ, развитіе высшаго класса, который, впрочемъ, не былъ родовой аристократіей; встрѣчаются черты, поясняющія экономическій бытъ страны, боренія партій; въ подробномъ описаніи послѣднихъ дней Владиміра Васильковича сохраняются замѣтныя черты старой жизни.

ГУСТИНСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Такъ называемая *густинская* лѣтопись, служащая въ напечатанномъ ипатіевскомъ спискѣ прибавленіемъ къ нему, есть ничто иное, какъ сокращеніе первоначальнаго свода, но позднѣйшей редакціи ипатіевскаго списка до 1300 года, съ важными дополненіями изъ польскихъ писателей XV и XVI вѣка; отъ 1300 до 1597 года свѣдѣнія, заключающіяся въ ней, во множествѣ почерпнуты изъ польскихъ историковъ Длугоша, Кромера и Вагнини. Лѣтопись эта не изъята отъ ошибокъ и анахронизмовъ и вообще былъ бы полезенъ трудъ ея возстановить по частямъ, отбросить то, что взято изъ источниковъ болѣе раннихъ: русскихъ лѣтописей и изъ польскихъ писателей, и оставить приведенный въ послѣдовательный порядокъ разсказъ, взятый изъ источниковъ, которыхъ мы не знаемъ; такимъ образомъ явилось бы, что̀ именно взято и что̀ принадлежитъ собственно этой лѣтописи. Мы не можемъ останавливаться на такомъ трудѣ, предоставляя его усердію и желанію тѣхъ, которые захотятъ внести въ науку разработку этой вѣтви историческихъ источниковъ.

Въ концѣ этой лѣтописи приложено сказаніе объ Уніи, которое можно считать разсказомъ очевидца; хотя онъ и сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ, какъ это открывается по сравненіи его разсказа съ оффиціальными актами того времени, однако, тѣмъ не менѣе, какъ современникъ заслуживаетъ вниманія и имъ можно пользоваться для исторіи, но не иначе, какъ съ большою критикою. Тоже можно сказать и въ отношеніи начала козаковъ подъ 1516 годомъ.

Въ слогѣ своемъ и тонѣ густинская лѣтопись носитъ характеръ сокращенія изъ большаго разсказа съ прибавкою того, что зналъ составитель и что, такъ сказать, само просилось къ вставкамъ въ лѣтописное повѣствованіе.

Пользуясь польскими источниками, составитель густинской

лѣтописи включилъ въ нее и тѣ сказанія Длугоша, Кромера и Бѣльскаго, которыя не находятся въ нашихъ лѣтописяхъ, и изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ кажется, отчасти занесены изъ русскихъ лѣтописей, теперь не существующихъ, или изъ тѣхъ мѣстъ, которыя пропали, а отчасти переиначены и пересоставлены польскими историками. Такимъ образомъ подъ 1137 годомъ встрѣчается исторія Ярополка Владиміровича кіевскаго, о похищеніи его Петромъ, о битвѣ подъ Галичемъ, о чемъ мы скажемъ подробно, разбирая сказанія Длугоша и его компиляторовъ. Всѣ эти польскія сказанія о русскихъ дѣлахъ, густинскій лѣтописецъ взялъ не изъ Длугоша, древнѣйшаго источника всѣхъ такихъ событій, а изъ второстепенныхъ: изъ Кромера, Бѣльскаго и Вагнини.

Густинская лѣтопись, рабски подражая упомянутымъ источникамъ, включаетъ въ себѣ и всѣ нелѣпѣйшія извѣстія, напр. о женщинѣ, родившей 52 дѣтей и т. п.

БѢЛОРУССКІЯ ЛѢТОПИСИ.

Какъ позднѣйшее произведеніе удѣльно-вѣчеваго уклада, является сводъ Литовскихъ лѣтописей, или, правильнѣе, Бѣлорусскихъ, потому что собственно *Литовскихъ* лѣтописей никогда не существовало.

Обыкновенно считаютъ открытыми двѣ лѣтописи Бѣлорусскихъ; но при тщательномъ разсмотрѣніи оказывается, что здѣсь нужно видѣть сводъ, составленный изъ нѣсколькихъ отрывковъ. Разберемъ все, что до сихъ поръ было издано. Лѣтописи эти были изданы по тремъ редакціямъ: одна изъ нихъ, отысканная и объясненная Даниловичемъ (Жур. М. Н. Просв. XXVIII т.); другая, краткая редакція, изданная въ „Ученыхъ Запискахъ II отд. Акад. Наукъ“ Поповымъ съ рукописи, принадлежащей гр. Уварову; третья—полнѣйшая, изданная Нарбутомъ польскими буквами съ русскихъ въ подлинникѣ; рукопись подъ названіемъ: „Pomniki do dziejów Litwy“; г. Бо-

дянскій видѣлъ въ Познанской библіотекѣ литовскую лѣтопись, написанную русскими буквами; она, по всему оказывается, полная редакція. Краткая редакція Попова вошла почти цѣликомъ въ полную редакцію и составляетъ ея первый отдѣлъ. Она начинается со смерти Гедимина (1340 г.) исчисленіемъ его сыновей и доходитъ до смерти Сигизмунда Кейстутовича, (1440 г.) согласно съ обширной редакціей Нарбута, но потомъ расходится съ нею и доходитъ до 1446 г. и собственно уже не есть лѣтопись литовская, а смоленская, ибо извѣстія ея относятся не къ Литвѣ, а къ Смоленску; это указываетъ на существованіе, утратившейся для насъ, смоленской лѣтописи, часть которой вошла въ Бѣлорусскую. Разсказъ вращается около Смоленска; помѣщаются такія событія, которыя могли быть извѣстны только живущему на мѣстѣ въ Смоленскѣ какъ напр., „преставися архимандритъ Анофрей Спасскій сентября 23 и проводивши съ честью"; разсказывается о наводненіи, залившемъ смоленскій посадъ; обозначаются урочища города Смоленска, говорится о борьбѣ бояръ съ чернымъ народомъ и вообще о событіяхъ, которыя могли быть извѣстны въ такой подробности только тамъ находившемуся лицу. Лѣтописецъ обращалъ болѣе вниманія на дѣла Москвы, чѣмъ Литвы, что показываетъ тяготѣніе мысли лѣтописца на Востокъ, а не па Западъ.

Полнѣйшая редакція начинаетъ не съ Гедимина, а съ баснословной исторіи о пришествіи римской колоніи на берега Балтійскаго моря и ведетъ повѣствованіе о судьбахъ языческой Литвы. Со времени смерти Гедимина она согласуется съ краткою, но кое-что прибавляетъ, и кое-что выпускаетъ; такое повѣствованіе идетъ до смерти Сигизмунда Кейстутовича, гдѣ онѣ расходятся. Послѣ того полная редакція продолжаетъ отдѣльно существовать чрезъ весь XV вѣкъ, прерываясь на 1507 г. на подробномъ описаніи разбитія Татаръ. Въ краткой редакціи лѣтописецъ говоритъ о себѣ, что онъ былъ еще молодъ во время смерти Скиргайлы, брата Ягайло, слѣдовательно онъ писалъ въ первой половинѣ XV вѣка, (азь того не вемь за

пере бехъ тогды молодъ но нѣцыи мовять имъ бы тотъ Ѳомя далъ князю Скиригайлу зелие отравное пити). Такъ какъ смерть Скиргайлы случилась въ 1392 году, то лѣтописецъ, будучи молодъ въ то время, вѣроятно, писалъ въ первой половинѣ XV вѣка до 1446 г., когда прерывается лѣтопись.

Такимъ образомъ краткая редакція составляетъ средину полнѣйшей (Нарбутовой), которая, слѣдовательно, состоитъ изъ трехъ частей: во 1-хъ, изъ лѣтописи о древнѣйшихъ временахъ Литвы; во 2-хъ, изъ лѣтописи, писанной тѣмъ авторомъ, который былъ молодъ во время смерти Скиргайлы, или изъ краткой редакціи Попова, и въ 3-хъ, изъ лѣтописи, составленной дальнѣйшими ея продолжателями.

Третья редакція — Даниловича. Въ ней есть приписка, гдѣ говорится: „Исписапъ сій Лѣтописецъ въ лѣто 7028 Лупа XVIII індиктъ IX Окт. VI. На паметъ Святого Апостола Фомы замышленіемъ благовѣрнаго и христолюбиваго князя Симеона Ивановича Одинцевича, его милости на здоровіе и на щастіе и на жизнь вечную на отпущеніе грѣховъ. Боже милостивы ихъ милости, дай его милости Княгини Екатеринѣ ихъ милости Чадомъ. Руxоделіе много грѣшнаго раба Божіего Грыгоріе Ивановича, Богу въ честь и во славу во вики аминь. Преставшаго помени Господи Ерея Ивана". Эта редакція, или лѣтопись Даниловича, начинается тамъ-же, гдѣ и краткая — Попова, т. е. со смерти Гедимина, и продолжается до принятія Ягайломъ польской короны, совершенно согласно съ лѣтописью Нарбута, — но далѣе разница. Замѣчательно, что въ лѣтописи Даниловича нѣтъ многихъ мѣстъ, относящихся исключительно къ Литвѣ, но есть событія, относящіяся къ Смоленску и Руси, разсказанныя полнѣе, и есть такія, которыхъ нѣтъ ни въ какой другой лѣтописи. Притомъ разсказъ вращается около Смоленска. Можно съ большою вѣроятностію полагать, что эти мѣста составляютъ отрывки изъ существовавшей прежде смоленской лѣтописи, которая была подъ рукою у составителя Даниловичевой. По этому лѣтопись Даниловича склеена изъ двухъ частей: одна ея

часть есть Бѣлорусская лѣтопись, написанная человѣкомъ, который былъ молодъ во время смерти Скиргайло, — а другая лѣтопись смоленская. Языкъ обѣихъ частей различенъ; въ тѣхъ мѣстахъ, которыя относятся къ Смоленску, языкъ сохранилъ древнія формы. Какъ только разсказъ доходитъ до воцаренія Сигизмунда, въ лѣтописи помѣщается сказаніе о Витолдѣ, которое есть ничто иное, какъ эпизодическій разсказъ, писанный въ качествѣ похвальнаго слова этому князю и его дѣяніямъ; но содержитъ описаніе извѣстныхъ приготовленій къ принятію короны, среди которыхъ его постигла смерть. Дальнѣйшія извѣстія съ 1446 года есть, очевидно, также часть смоленской лѣтописи, прерванной разсказомъ о Витолдѣ съ нѣкоторыми дополненіями противъ редакціи Попова. Далѣе лѣтопись удаляется отъ Литвы и обращается болѣе къ Москвѣ. Вообще, не только въ мѣстахъ, относящихся къ Смоленску, въ редакціи Даниловича болѣе старинныхъ формъ, нежели въ редакціи Нарбута, въ которой видѣнъ языкъ XV и XVI вѣка, подчинившійся бѣлорусскому вліянію даже въ мѣстахъ, переведенныхъ, вѣроятно, изъ смоленской лѣтописи.

Изъ этого обозрѣнія видно, что лѣтопись, изданная Нарбутомъ, есть полный сводъ; редакціи же Попова и Даниловича съ нѣкоторыми недостатками. Анализируя сводъ Бѣлорусскихъ лѣтописей по этимъ тремъ редакціямъ, находимъ слѣдующія главныя части:

1) Древняя исторія Литвы, описывающая времена язычества. Извѣстія, сообщаемыя въ этой части, находятся въ польской лѣтописи Стрыйковскаго и вошли въ редакцію Даниловича. Даниловичъ открылъ всѣ источники, которыми пользовался Стрыйковскій и такимъ образомъ снялъ съ него незаслуженное обвиненіе въ умышленномъ искаженіи исторіи и выдумкѣ фактовъ, со стороны Карамзина и нѣкоторыхъ его послѣдователей. Онъ же доказалъ, что Стрыйковскій пользовался хроникой епископа Христіана. Прусскій лѣтописецъ Семенъ Груновъ (Grunau) говоритъ о существованіи въ его время латинской хроники Христіана, перваго епископа Прусскаго. Объ этомъ же говоритъ и другой писа-

тель Лука Давидъ, который прибавляетъ, что Христіанъ, повѣствуя о событіяхъ русской исторіи, пользовался русскими лѣтописями, сообщенными ему настоятелемъ полоцкой каѳедры Ярославомъ. Такъ какъ одни и тѣже извѣстія по отношенію къ Литвѣ и Польшѣ сохранились у Семена, Стрыйковскаго и у русскихъ писателей, то очевидно, что здѣсь надо искать начала погибшей хроники Ярослава, которая вѣрно была бы полнѣе, чѣмъ лѣтопись Нарбута, такъ какъ у Стрыйковскаго и прусскихъ историковъ есть сказанія, не вошедшія въ хронику редакціи Нарбута.

2) Лѣтопись, писанная тѣмъ, который былъ молодъ во время смерти Скиргайло. Она должна, сколько можно судить, оканчиваться временемъ, когда Сигизмундъ побѣдилъ Свидригайла и сдѣлался великимъ княземъ.

3) Смоленская лѣтопись, существованіе которой подтверждаютъ многія мѣста изъ лѣтописи Даниловича и Попова, напр., о смерти Симеона, епископа смоленскаго, о голодѣ въ Смоленскѣ, о борьбѣ бояръ съ черныо, о которой упоминается въ краткой редакціи еще подробнѣе, чѣмъ у Даниловича.

4) Остальная часть свода Бѣлорусскихъ лѣтописей есть продолженіе со времени вступленія на престолъ Сигизмунда Кейстутовича, гдѣ говорится о смерти Сигизмунда, убитаго княземъ Чарторижскимъ, до того мѣста, гдѣ разсказъ прерывается при извѣстіи о побѣдѣ надъ Татарами. Редакція Даниловича и Попова объ этомъ дѣлѣ упоминаетъ какъ о варварскомъ поступкѣ, съ участіемъ къ королю, а продолжатель Нарбутовой лѣтописи говоритъ, что злодѣянія Сигизмунда навлекли на него достойную смерть.

Стрыйковскій говоритъ и о другихъ лѣтописяхъ, которыми онъ пользовался и которыя не дошли до насъ; онъ даже назвалъ ихъ по имени; напр., лѣтопись Заславскихъ князей, которая, какъ доказалъ положительно профессоръ Даниловичъ, есть ни что иное, какъ лѣтопись редакціи Нарбута. Потомъ Стрыйковскій говоритъ о другой лѣтописи Ходкевича, получен-

ной имъ отъ старца Ходкевича, и упоминаетъ о третьей лѣтописи какого-то бѣлорусскаго дьячка, котораго онъ называетъ безмозглымъ,—такъ безсвязно написана его лѣтопись.

Изъ всего видно, что въ Литвѣ образовалась особая русская лѣтописная письменность, въ которую вошла и потерянная лѣтопись города Смоленска.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

НОВГОРОДСКІЯ ЛѢТОПИСИ.

Новгородскія лѣтописи въ нашей лѣтописной литературѣ составляютъ особый отдѣлъ, относящійся къ событіямъ преимущественно Новгорода; впрочемъ, мѣстами включены событія и другихъ русскихъ земель, иногда по отношенію къ Новгороду, а иногда и безотносительно. Въ изданіи нашихъ лѣтописей, составленномъ Археографическою Коммиссіей, помѣщены четыре новгородскихъ лѣтописи, называемыхъ первою, второю, третьею и четвертою. Первая, по одному изъ взятыхъ списковъ безъ начала съ 1016 по 1444 годъ; вторая отъ 911 по 1587 г. съ прибавленіями; третья отъ 989 по 1716; четвертая съ 1113 по 1496 г.

Неправильность ихъ изданія достаточно доказана г. Погодинымъ въ V томѣ его изслѣдованій. Между прочимъ одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ есть тотъ, что издатель для первой лѣтописи выбралъ списокъ не полный и откинулъ изъ лѣтописи начало, находящееся въ Толстовскомъ спискѣ ея, и заключающее въ себѣ нѣсколько отличій отъ внесенныхъ имъ при изданіи другихъ лѣтописей.

Обыкновенно думаютъ, что начало первой новгородской лѣтописи есть сокращеніе лѣтописи, которая составилась въ Кіевѣ и съ прибавкою событій, относящихся къ Новгороду. Извѣстія въ первой новгородской лѣтописи до того кратки, что

похожи болѣе на оглавленіе, чѣмъ на сказаніе; во многихъ мѣстахъ предъ однимъ событіемъ стоитъ нѣсколько годовъ, такъ, въ лѣто 6537, въ лѣто 6538, — далѣе исчисляются годы одинъ за другимъ до 6545 и послѣ всего сказано: „заложи Ярославъ городъ Кыевъ и церковь святыя Софія"; также передъ извѣстіемъ о смерти полоцкаго князя Всеслава поставлено сряду четыре года. Эта краткость и пустые года заставляютъ думать, что лѣтописецъ былъ не современникъ, и не списывалъ даже современныхъ повѣстей, не дѣлалъ также своихъ замѣтокъ и по памяти, а составлялъ свою лѣтопись по скуднымъ, разрозненнымъ свѣдѣніямъ, въ отрывкахъ, и во многихъ мѣстахъ не зналъ, чѣмъ наполнить, разставленные напередъ, годы. Очень любопытно объяснить, какъ именно составилась эта лѣтопись? Предположеніе г. Сухомлинова о пасхальныхъ таблицахъ здѣсь ближе всего къ истинѣ. Включеніе по мѣстамъ болѣе подробныхъ событій, относящихся къ Новгороду, заставляетъ думать, что составитель жилъ въ этомъ городѣ; упоминовеніе о событіяхъ послѣ нѣсколькихъ годовъ указываетъ, сверхъ того, что составитель имѣлъ свѣдѣнія безъ годовъ и по своему разсчету ставилъ ихъ приблизительно; такія событія, какъ напр., преставленія князей и проч., обозначены не только годами, но даже днями; освященіе церквей, приходъ владыкъ взяты, вѣроятно, изъ какихъ нибудь церковныхъ и монастырскихъ записокъ: о нѣкоторыхъ лѣтописецъ нашелъ точныя указанія, и потому поставилъ числа; о другихъ событіяхъ не нашелъ ни дней, ни годовъ, а потому поставилъ при нихъ приблизительно нѣсколько годовъ; такъ, предъ поставленіемъ Ѳеодора, архіепископа новгородскаго, поставлено три года. Точныя свѣдѣнія по числамъ о преставленіи нѣкоторыхъ лицъ лѣтописецъ могъ также заимствовать изъ синодиковъ, или поминальныхъ записокъ. Не только умершіе въ Новгородѣ были записываемы въ новгородскихъ синодикахъ, но могли быть случаи, когда въ новгородскіе монастыри присылались записки для поминовенія изъ другихъ мѣстъ. По стариннымъ понятіямъ поминовеніе для души считались дѣй-

ствительнѣе, когда совершалось въ разныхъ мѣстахъ: чѣмъ болѣе будетъ роздано за упокой души, чѣмъ больше усопшаго будутъ поминать, тѣмъ для него лучше на томъ свѣтѣ.

Извѣстія о новорожденныхъ князьяхъ также могли быть присылаемы въ монастырь для молитвы объ ихъ здравіи, и оттуда почерпнуты лѣтописцемъ. Самыя извѣстія о военныхъ дѣлахъ проходили чрезъ тотъ же источникъ; въ лѣтописи такого рода входили наиболѣе тѣ извѣстія, которыя относятся къ смерти кого нибудь, напр. побѣда Половцевъ надъ Всеволодомъ въ 1078 г., убіеніе Глѣба (за Волокомъ) въ 1079 г., побѣда Мордвы надъ Ярославомъ—все это несчастныя событія.

Когда въ сраженіяхъ гибли люди, о нихъ присылались братіи поминальныя записки, — что иногда принимали на себя князья. Счастливыя событія, какъ напр., побѣда Мстислава надъ Олегомъ, побѣда кіевскихъ князей надъ Половцами (1103 и 1111 г.), могли быть сообщаемы въ монастырь, какъ для поминовенія убіенныхъ, такъ равно и для возсыланія благодаренія Богу за одолѣніе враговъ; при этомъ въ поминальныхъ запискахъ обозначалось, въ какомъ именно сраженіи убиты были поименованные, и о какой побѣдѣ слѣдовало молиться; изъ этихъ то записокъ лѣтописецъ бралъ и вставлялъ свои извѣстія; другимъ путемъ едва ли можно объяснить такую краткость событій и вмѣстѣ, не рѣдко, такую точность по годамъ и днямъ. Занятіе Новгорода Всеславомъ и битва съ нимъ Глѣба могли быть заимствованы тоже изъ поминальныхъ записокъ, ибо тогда были убиваемы люди; а прибавленія „велика же бѣ бѣда въ часъ той“ и т. п. могли или находиться въ видѣ приписки, сдѣланной современникомъ на самомъ синодикѣ, или же, по старой памяти и преданію, сдѣланы самимъ лѣтописцемъ (*); подобное восклицаніе является подъ 1129 г. по поводу затмѣнія;

(*) Событіе это должно было остаться памятнымъ для Новгорода уже и потому, что на мѣстѣ, гдѣ оно происходило, сооруженъ былъ монастырь.

быть можетъ лѣтописецъ, нашедши такую фразу въ синодикѣ по поводу битвы Всеслава, употребилъ изъ подражанія подъ другимъ, болѣе близкимъ къ нему событіемъ.

Впрочемъ, внесенныя въ лѣтопись военныя событія, могли быть записываемы и по другому поводу, какъ напр.: о походѣ Ярослава на Ятвяговъ и о бракѣ его съ дочерью новгородскаго князя по возвращеніи изъ этого похода. Здѣсь могло быть въ церкви записано о бракѣ князя съ цѣлію молиться впослѣдствіи о счастіи новобрачныхъ; о походѣ же на Ятвяговъ упомянуто при случаѣ, и года надъ нимъ не поставлено, а означено приблизительно двумя годами 1112 и 1113.

Съ 1117 г. лѣтопись начинаетъ, такъ сказать, полнѣть, особенно въ перечнѣ событій, собственно относящихся къ Новгороду; видимое обиліе фактовъ указываетъ на близость самого лѣтописца къ описываемому времени. Пустыхъ годовъ нѣтъ болѣе; только смерть жены Мстислава записана безъ году. Однако извѣстія еще не принимаютъ повѣствовательной формы. Подъ 1125 и 1128 годами о голодѣ, по поводу неурожая, болѣе подробный разсказъ, но онъ также могъ находиться въ синодикахъ для поминовенія умершихъ въ это время. Монахи на память записали подробности этого событія, чтобы отличить поминаемыхъ отъ другихъ.

Подъ 1132 годомъ является уже повѣствованіе иного покроя: о походѣ Всеволода въ Русь къ Переяславлю, и о смятеніяхъ въ Новгородѣ по возвращеніи князя. Послѣ этого уже послѣдовательно записываются разныя политическія новгородскія событія; но въ то же время продолжаются и прежняго рода замѣтки, какъ напр., постройка церквей, преставленіе князей, вѣнчаніе, назначеніе новыхъ церковныхъ сановниковъ, — однимъ словомъ все, что могло быть извлечено изъ церковныхъ записокъ и синодиковъ. Кромѣ синодиковъ въ монастыряхъ и соборахъ была необходимость записывать и церковныя дѣянія, постройки церквей — для поминовенія тѣхъ, которые жертвовали, а также для празднествъ храмовъ; факты церковнаго упра-

вленія, какъ приходъ того, или другого сановника отчасти тоже для поминовенія, а отчасти для справокъ съ стариною.

Повѣствованіе о политическихъ новгородскихъ событіяхъ съ 1137 г. дѣлается еще пространнѣе, именно послѣ изгнанія Всеволода. Тутъ уже излагаются обстоятельно причины, по которымъ его прогнали, написанныя въ видѣ пунктовъ; вѣроятно онѣ были предложены Новгородцами на вѣчѣ и составляли приговоръ изгнанному князю. Такъ какъ это событіе означено точно по днямъ, то вѣроятно оно записано современникомъ. Принимая во вниманіе послѣднее обстоятельство, и, преимущественно, распространенную форму изложенія, кажется достовѣрнымъ, что именно съ этого времени начинается собственно новгородская лѣтопись. Тутъ лѣтописецъ начинаетъ непрерывную исторію, а все, что внесено въ лѣтопись прежде этого событія, взято или изъ церковныхъ замѣтокъ, или изъ особыхъ записокъ, писанныхъ не для того, чтобы придать памяти прошлыя событія, а для особыхъ цѣлей. Самъ лѣтописецъ мало распространилъ свой краткій первоначальный перечень тѣмъ, что можетъ быть самъ слышалъ отъ стариковъ.

Подъ 1144 г. лѣтописецъ упоминаетъ о себѣ, говоря, что въ этомъ году св. Нифонтъ поставилъ его попомъ. И такъ лѣтописецъ, писавшій эту часть лѣтописи, былъ священникъ. Г. Прозоровскій, соображая, что подъ 1188 г. съ подробностями и участіемъ говорится о кончинѣ какого-то попа при церкви св. Іакова, по имени Германа Вояты, который священствовалъ полпятдесятъ лѣтъ, приходитъ къ заключенію, что этотъ попъ Германъ былъ лице, говорящее о себѣ подъ 1144 г., и что преемникъ его въ дѣлѣ лѣтописанія счелъ приличнымъ распространиться о своемъ предшественникѣ (*). Г. Погодинъ признаетъ, что дѣйствительно священникъ, упоминающій о своемъ посвященіи подъ 1144 г. есть одно и тоже лицо съ тѣмъ, о которомъ говорится подъ 1188 г.,

(*) См. статью г. Д. Прозоровскаго: „Кто былъ первымъ писателемъ Новгородской Лѣтописи?“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. XXXV.

но думаетъ, что этотъ священникъ, Германъ Воята, былъ не сочинитель, а переписчикъ лѣтописи, на томъ основаніи, что подъ 1144 г. онъ назвалъ Нифонта святымъ, какимъ Нифонтъ могъ быть названъ только по кончинѣ своей, и что при томъ невозможно, чтобы лѣтопись велась при церкви св. Іакова, гдѣ Германъ былъ попомъ, а не при Софійскомъ соборѣ. Но Нифонтъ умеръ въ 1156 г., и священникъ, писавшій свой разсказъ, могъ прибавить посвященіе свое въ іереи уже по кончинѣ іерарха, и если Германъ Воята, какъ допускаетъ г. Погодинъ, могъ быть переписчикомъ, то также могъ быть и сочинителемъ лѣтописи.

Далѣе въ складѣ лѣтописи и выборѣ событій господствуетъ тотъ же характеръ. Лѣтописецъ наполняетъ свою лѣтопись извѣстіями о постановленіи духовныхъ сановниковъ, о преставленіи важныхъ лицъ, о построеніи церквей, вообще обращаетъ вниманіе на церковныя дѣла и тѣмъ обличаетъ свое духовное званіе. Изъ политическихъ событій онъ упоминаетъ только о такихъ, которыя ярко выдѣляются изъ среды обыкновенныхъ, какъ то: призваніе и изгнаніе князей, смуты въ Новгородѣ, да кромѣ того говоритъ о разныхъ бѣдствіяхъ. морахъ, пожарахъ, войнахъ съ иноплеменниками. Изложеніе вообще скудно, только въ перечнѣ народныхъ бѣдствій онъ позволяетъ себѣ входить въ значительныя подробности и описывать такіе случаи болѣе яркими красками. Въ 1161 году, по поводу описанія неурожая, прибавлено восклицаніе: „о велика скърбь бяше въ людьхъ и нужа!“ — восклицаніе подобное тому, которое встрѣчается въ древнихъ годахъ о разбитіи Всеслава; это подтверждаетъ, что прежнія событія заносились въ лѣтопись тѣмъ же лѣтописцемъ, который писалъ о событіяхъ половины XII вѣка.

Одинаковый тонъ въ лѣтописи идетъ вплоть до 1202 г. и потому трудно уловить, когда оканчивается лѣтописаніе священника, поставленнаго въ 1144 году, и по всему, какъ кажется, начавшаго писать еще въ 1137 г., потому что тонъ лѣтописи неизмѣнно идетъ съ 1202 года, такъ что преемникъ Германа

Вояты искусно подражалъ предшественнику. До 1209 года характеръ разсказа все еще сбивается на старый ладъ; съ 1209 г. политическія событія разсказываются подробнѣе, приводятся рѣчи князей,—чего нѣтъ въ описаніи предъидущихъ временъ,— и вообще видно сочувствіе лѣтописца къ предмету разсказа. Походъ Мстислава Удалого на Суздальцевъ описанъ оживленно и съ большими подробностями, такъ что можно предположить, что это отдѣльный эпизодъ, внесенный въ лѣтопись, тѣмъ болѣе, что онъ находится и въ Воскресенскомъ спискѣ, — но скорѣе можно думать, что въ послѣдній онъ занесенъ изъ новгородскаго списка, такъ какъ разсказанъ короче. Встрѣчаются благочестивыя размышленія. Однако лѣтописецъ все еще придерживается системы своего предшественника: онъ упоминаетъ о построеніи церквей, о смерти важныхъ лицъ, о народныхъ бѣдствіяхъ и проч., но въ этотъ періодъ новгородскаго лѣтописанія являются, внесенными въ него, и событія другихъ княжествъ, какъ напр., злодѣяніе рязанскаго князя Глѣба Святославича надъ братьями (1218 г.), о галицкихъ дѣлахъ подъ 1219 г., о нашествіи Татаръ и т. д.

Въ это время безпристрастный, сухой и холодный тонъ лѣтописи измѣняется; мало по малу допускаются въ лѣтопись и благочестивыя размышленія,—и это идетъ crescendo; въ первый разъ находимъ разсужденія по поводу ссоры Святослава Всеволодовича съ Твердиславомъ: сказавъ о ихъ примиреніи, лѣтописецъ замѣчаетъ, что крестъ былъ возвеличенъ, а дьяволъ покоренъ. Потомъ онъ вдается въ разсужденія по поводу преступленія Глѣба Рязанскаго, — что, быть можетъ, внесено въ первую новгородскую лѣтопись изъ какой нибудь другой, вмѣстѣ съ самымъ разсказомъ о Глѣбѣ, также какъ и разсказъ о нашествіи Татаръ, гдѣ тоже видно резонерство. По поводу изгнанія архіепископа Арсенія, лѣтописецъ вдается въ разсужденія и высказываетъ ясно, что онъ не безпристрастенъ. Въ 1230 г. по поводу голода, явленія частаго въ новгородскомъ краѣ, упоминается о гнѣвѣ Божіемъ и о грѣхахъ людскихъ, тогда какъ преж-

ніе лѣтописцы ограничивались только описаніемъ факта. Самое бѣдствіе это описывается на этотъ разъ такими красками, которыя, очевидно, приданы предмету для того, чтобы возбудить жалость и ужасъ, тогда какъ при прежнихъ описаніяхъ не видно такого изложенія. Подъ 1232 г. разсказывается о смерти архіепископа Антонія; ему расточаются такія похвалы, которыя заставляютъ предполагать, что писавшій эти строки былъ уже не тотъ, кто писалъ о событіяхъ подъ 1228 г., гдѣ говорится объ изгнаніи Арсенія и о призваніи этого самаго Антонія: подъ 1228 г. лѣтопись оказываетъ сочувствіе къ Арсенію; сказавши о постановленіи на его мѣсто Антонія, авторъ прибавляетъ: „не добыти-бы зла"; слѣдовательно, постановленіе Антонія представлено какъ бы неодобрительнымъ. Въ 1238 г. татарское нашествіе описано короче, чѣмъ въ другихъ лѣтописяхъ, напр. въ Воскресенской, и съ прибавкою благочестивыхъ размышленій. Такія же сентенціи и размышленія встрѣчаются по поводу истеченія мѵра изъ иконъ (1243 г.) или по поводу бѣдствія отъ наводненія (1251 г.). Также приводится пословица: *аще бы кто добро другу чинилъ, то добро бы было, а копая яму, самъ въ ню взвалить.* По поводу нашествія на Новгородъ Татаръ, лѣтописецъ становится на сторону тѣхъ, которые не хотѣли платить дани и въ этомъ случаѣ отклоняется отъ обычнаго своего консервативнаго духа.

Подъ 1265 годомъ лѣтописецъ касается дѣлъ литовскихъ, которыхъ впрочемъ хорошо не знаетъ: онъ расточаетъ похвалы Войшелгу, воображая его апостоломъ христіанской вѣры и радуясь погибели тѣхъ, которыхъ Войшелгъ извелъ за смерть отца своего Миндовга. Въ 1268 году Раковорская битва дала лѣтописцу предлогъ распространиться въ благочестивыхъ размышленіяхъ и привести слова Священнаго Писанія въ подтвержденіе мысли, что несчастія посылаются людямъ отъ Бога за ихъ грѣхи. Замѣчательно, что почти вездѣ, если описаніе битвы сколько нибудь подробно, исчисляется нѣсколько собственныхъ именъ что, кажется, объясняется тѣмъ, что эти имена записывались

въ синодики тамъ же, гдѣ велась эта лѣтопись или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ лѣтописецъ могъ видѣть.

Относительно политическихъ убѣжденій повѣствователя въ лѣтописи виденъ консервативный, монархическій духъ; замѣтно уваженіе къ княжеской власти; впрочемъ, какъ Новгородцы, лѣтописцы любятъ свое отечество и сочувствуютъ особенно войнамъ съ невѣрными.

Съ 1271 г. тонъ лѣтописи значительно измѣняется; ясно, что здѣсь начинаетъ писать не тотъ, который писалъ до этого года; начинается складъ близкій къ тому, который былъ прежде, до описанія ссоры съ Твердиславомъ. Опять видимъ краткость извѣстій и достаточное безпристрастіе. Только подъ 1289 г., по поводу пожара, лѣтописецъ позволяетъ себѣ небольшое размышленіе въ формѣ молитвы. Такой тонъ лѣтописи продолжается до 1299 г.; съ этого же года опять являются признаки сочувствія къ описываемымъ дѣламъ. Вообще характеръ лѣтописи съ этихъ поръ состоитъ въ перечнѣ событій, однихъ подробнѣе другихъ короче. Въ этотъ періодъ встрѣчаются хотя короткія, но любопытныя и важныя по содержанію отношенія Новгорода къ Швеціи. Съ 1340 г. событія опять описываются подробнѣе и самыхъ извѣстій приводится больше. При описаніи битвъ, какъ и прежде, пересчитываются собственныя имена, что, какъ выше замѣчено, взято изъ синодиковъ. Въ такомъ видѣ идетъ лѣтопись до 1397 г.; съ этого же времени тонъ лѣтописи перемѣняется и принимаетъ характеръ, отличный отъ всѣхъ предъидущихъ, характеръ непрерывнаго повѣствованія; потомъ опять видимъ сборъ отрывочныхъ извѣстій, то краткихъ, то подробныхъ. Съ 1422 г. лѣтопись становится еще отрывочнѣе, и сказанія излагаются сжатѣе, такъ что количество отрывочныхъ свѣденій въ однихъ годахъ болѣе, въ другихъ менѣе.

Вторая новгородская лѣтопись не представляетъ важныхъ варіантовъ отъ первой страницы до самаго 1421 г., гдѣ находится подробный разсказъ о землетрясеніи и наводненіи, при чемъ присовокуплено благоговѣйное размышленіе. Это

мѣсто особенно драгоцѣнно потому, что тамъ говорится о существованіи въ Новгородѣ старыхъ лѣтописей: „слышахомъ отъ древнихъ повѣдающе писаніе, паче же извѣстно увѣдахомъ прочитающе старые лѣтописци, о нашествіи водномъ, еже бысть въ Великомъ Новѣградѣ въ древняя лѣта“ и проч. „Нынѣ же, убо, быша прежереченнаго нашима очима видѣхомъ великое нашествіе водное, и еже отъ небесе страшное явленіе, индиктіона 14 при архіепископѣ Семіонѣ, въ лѣтъ 6-е владычества его“. Извѣстіе это подтверждаетъ для насъ существованіе древнихъ лѣтописцевъ новгородскихъ и вѣрно въ старину ихъ было много, когда говорится о нихъ во множественномъ числѣ. Едва-ли бы въ этомъ случаѣ разумѣлись списки однихъ и тѣхъ же: „и елико такова все то писаніемъ число обрѣтохомъ, и иная знаменіа нѣкая бывающая, елико къ наказанію нашему видѣхомъ въ писаніи и сказаніемъ мудрѣйшихъ мужъ, любящихъ почитати древняа писаніа, слышахомъ отъ нихъ; якоже Соломонъ глаголаше: се же есть мудръ, еже вѣсть древняа повѣсти“. Слова эти указываютъ не только на укоренившійся въ Новгородѣ обычай писать лѣтописи и вносить туда событія, считаемыя достойными замѣчанія; видѣнъ и вкусъ къ чтенію такихъ сочиненій, и сознаніе добра, проистекающаго отъ такого чтенія. Отъ 1421 до 1470 г. замѣтки чрезвычайно кратки и, можетъ быть, внесены въ послѣдствіи для связи. Подъ 1470 г. описано посѣщеніе Новгорода Иваномъ Васильевичемъ, и здѣсь же исчислены подарки, которые онъ получилъ во время своего посѣщенія. Подъ 1485 г. описано преслѣдованіе новгородскихъ еретиковъ Геннадіемъ.

По паденіи Новгорода лѣтопись дѣлается исключительно мѣстною и знакомитъ читателя по большей части только съ обстоятельствами, относящимися единственно до города; видно, что писали духовныя лица. Подъ 1493 г. все сказаніе состоитъ единственно изъ разсказа о крестномъ ходѣ, отправленномъ архіепископомъ Геннадіемъ; это описаніе можетъ служить образчикомъ тѣхъ записокъ, которыя велись при церквахъ, соборахъ и монастыряхъ и большею частію до насъ не дошли.

Съ большими подробностями описываются пожары, которые въ Новгородѣ бывали очень часто, моровыя повѣтрія, изгнанія князей и небесные феномены.

Около 1553 г. лѣтопись видимо переходитъ въ другія руки, а съ 1563 года дѣлается короче, чѣмъ прежде, и ограничивается исключительно предметами церковнаго содержанія. Подъ 1570 г. подробнымъ образомъ исчисляется продовольствіе, собранное на царя и его свиту, по случаю ужаснаго пріѣзда Ивана Васильевича; вѣроятно эта роспись попалась сюда случайно и была приписана не кстати. Подъ 1572 г. любопытное извѣстіе о томъ, что владыка смотрѣлъ лѣтопись въ монастырѣ, на Лисьей горѣ — извѣстіе, доказывающее, что въ разныхъ монастыряхъ велись лѣтописи и записывались въ нихъ не только дѣянія монастырскія, но и другія церковныя, ибо владыка замѣтилъ, что въ эту лѣтопись не вписаны всѣ владыки новгородскіе; между тѣмъ, казалось бы, не было собственно необходимости писать о владыкахъ въ лѣтописи монастыря и гораздо было бы умѣстнѣе писать объ этомъ въ лѣтописи соборной каѳедральной.

При второй новгородской лѣтописи, въ полномъ собраніи лѣтописей, приложенъ перечень владыкъ новгородскихъ,—матеріалъ важный для церковной исторіи. Собственно этотъ отрывокъ не принадлежитъ ни къ какой лѣтописи, а составляетъ самобытную лѣтопись Софійскаго собора. Онъ можетъ служить образчикомъ тѣхъ записокъ, которыя, вѣроятно, велись повсемѣстно; о первыхъ епископахъ извѣстія очень кратки, потомъ о дальнѣйшихъ извѣстія распространяются все болѣе и болѣе, такъ что о раннихъ не говорится ничего болѣе, кромѣ того, что такой-то тогда-то былъ поставленъ, столько-то лѣтъ былъ на епископіи и тогда-то умеръ. О смерти нѣкоторыхъ означены дни, о другихъ нѣтъ этого, изъ чего, кажется, можно заключить, что эти древнѣйшія извѣстія почерпнуты въ послѣдствіи изъ синодиковъ, гдѣ случившееся записывалось какъ попало, не обращая вниманія, ка̀къ были записаны прежнія; ибо если бы существовалъ порядокъ въ запискахъ объ епископахъ, то вѣ-

роятно послѣдующіе записыватели, имѣя передъ собою образецъ предъидущихъ, записывали бы сообразно съ обычаемъ, принятымъ послѣдними. Со времени переименованія епископовъ новгородскихъ въ архіепископы видно, что уже велись послѣдовательныя записки объ нихъ; почти вездѣ съ точностію означается день смерти и мѣсто погребенія, и съ 1230 года говорится постоянно, кто кѣмъ былъ поставленъ въ санъ. Съ 1353 года встрѣчается не рѣдко означеніе событій, ознаменовавшихъ владычество того или другаго іерарха; особенно распространяется роспись объ архіепископѣ Моисеѣ и расточаетъ ему похвалы. При Иванѣ Хутынскомъ, подъ 1410 г., упоминается о важномъ событіи, вовсе не относящемся къ церковнымъ дѣламъ, именно объ измѣненіи монеты въ Новгородѣ: „Новгородцы начаша торговати бѣлками, лобци, и гроши Литовьскими, и артуги Нѣмецкими“ и проч. Послѣ покоренія Новгорода эти росписи дѣлаются подробнѣе, но ограничиваются одними церковными дѣлами.

Третья новгородская лѣтопись, начинающаяся въ 911 г., есть дополненіе первоначальнаго свода, въ сокращенномъ видѣ сообщая извѣстія, записанныя въ послѣднемъ. Она сообщаетъ не только такія извѣстія, которыя касаются одного Новгорода, но и обстоятельства крещенія, посвященіе Іоанна, подробности о Варягахъ, именно, что тамъ, гдѣ они стояли при Ярославлѣ названа улица. Не видно однако, чтобы составитель пользовался при этомъ прежнимъ сводомъ. Съ 1030 года говорится подробно о заложеніи церкви св. Софіи въ Новгородѣ и объ иконѣ, будто бы написанной Эммануиломъ, греческимъ царемъ. Съ этихъ поръ лѣтопись ограничивается однимъ Новгородомъ и сохраняетъ свой особенный характеръ.

Эта драгоцѣнная лѣтопись дошла до насъ уже въ позднѣйшихъ спискахъ; нѣтъ ни одного ранѣе XVII вѣка, и въ томъ видѣ, въ какомъ она находится теперь, она очевидно составлена уже позже, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ея сущность и даже самый текстъ признавались позднѣйшими. Ея основа — исторія новгородскихъ церквей или, вѣрнѣе ска-

зать, записки о построеніи церквей, веденныя, какъ показываетъ этотъ драгоцѣнный памятникъ, для всего Новгорода и отчасти для другихъ городовъ новгородской волости. Въ послѣдствіи какой-то составитель, а можетъ быть и нѣсколько составителей, включали туда въ разныя времена по произволу сказанія изъ первой новгородской лѣтописи, изъ росписи о новгородскихъ владыкахъ и другихъ новгородскихъ историческихъ записокъ и такимъ образомъ распространили эту лѣтопись. Въ спискѣ, съ котораго она была напечатана, находится слѣдующее заглавіе: „Книга, глаголемая Лѣтописецъ Новгородской вкратцѣ, церквамъ божіимъ, въ которое лѣто которая церковь во імя строена, и при которомъ епископѣ или архіепископѣ или митрополитѣ, и въ которомъ годѣ который епископъ или архіепископъ или Митрополитъ поставлены быша, и прилучаи въ которомъ годѣ какіе были въ Великомъ Новѣградѣ и въ пригородѣхъ: и то въ семъ Лѣтописцѣ чтый и обрящеши“. Кажется что древнее заглавіе было только до слова „митрополитѣ“, а остальное прибавлено послѣ. Доказательствомъ этого служитъ то, что если сравнить третью лѣтопись съ предыдущими двумя, то окажется, что всѣ политическія событія заимствованы изъ послѣднихъ въ тѣхъ эпохахъ, которыя послѣдними описываются, а относительно построенія церквей есть свѣдѣнія самобытныя, именно, упоминается о построеніи нѣкоторыхъ церквей, о которыхъ въ другихъ лѣтописяхъ не говорится, а о построеніи такихъ, о которыхъ извѣстія вошли и въ другія лѣтописи, сообщаются самобытныя данныя. О постановленіи владыкъ въ этой лѣтописи нѣтъ ничего новаго противъ другихъ источниковъ. Кромѣ построенія церквей существенною частью должны считаться также извѣстія о написаніи иконъ и измѣненія въ храмовомъ благочиніи. Самая важнѣйшая часть этой лѣтописи—вставка, заключающая въ себѣ описаніе прихода въ Новгородъ Ивана Васильевича и страшнаго побоища, произведеннаго имъ тамъ въ 1576 году.

Четвертая новгородская лѣтопись есть ничто иное, какъ

позднѣйшій уже сводъ прежнихъ лѣтописей. Извѣстія въ ней, по большей части, взяты изъ первой и второй лѣтописи, но сверхъ того прибавлены событія Суздальской, Тверской и Литовской земель. Составитель ея не имѣлъ, по видимому, никакой опредѣленной цѣли, записывая событія и не слѣдилъ преимущественно ни за какою нитью; очень часто одно и тоже событіе повторяется нѣсколько разъ, нѣкоторые годы совершенно выпущены. Разъ составленная, эта лѣтопись переходила, должно быть, изъ рукъ въ руки, что замѣтно по различнымъ спискамъ; такъ, до 1325 года всѣ варіанты сходятся между собою, а съ этого года замѣтны двѣ различныя вѣтви списка, которыя тянутся до 1406 г. вмѣстѣ; одинъ списокъ болѣе занимается дѣлами, непосредственно касающимися Новгорода, другой же болѣе представляетъ характеръ общаго русскаго хронографа. Съ 1406 года списки опять сходятся и идутъ вмѣстѣ до 1447 г., гдѣ одинъ оканчивается, а другой продолжается до 1515 г. Все остальное отъ 1447 по 1515 г. не находящееся въ одномъ изъ списковъ, очевидно есть приставка и отличается отъ предыдущихъ и по складу и по тону; она состоитъ изъ чрезвычайно краткихъ замѣчаній. Главный характеръ лѣтописи — отсутствіе связи между событіями и запутанность хронологіи. Извѣстія большею частію кратки, но есть и пространныя, смотря по тому, откуда случилось лѣтописцу ихъ почерпнуть. Сюда цѣликомъ занесены особыя статьи, составлявшія отдѣльныя разсказы или акты, напр., извѣстіе о морѣ во Псковѣ въ 1352 году, выписанное цѣликомъ изъ первой псковской лѣтописи, нашествіе Дмитрія Московскаго на Тверь въ 1375 г. изъ Софійскаго Временника, подробная повѣсть о побоищѣ съ Мамаемъ въ 1380 г. также сводная съ другихъ лѣтописныхъ сказаній объ этомъ событіи; о плѣненіи и прохожденіи Тохтамыша царя и о Московскомъ Фотіи; слово о томъ, какъ бился Витовтъ съ Ордою съ царемъ Темиркутлуемъ въ 1399 году; посольство Едигея къ великому князю Василію, нигдѣ не встрѣчаемое при этой лѣтописи; 1408 г. о Тферьскомъ владыцѣ; посланіе митро-

полита Фотія въ Кіевъ; слово о житіи Дмитрія Донскаго и о преставленіи Михаила Александровича Тверскаго, занесенное изъ такъ называемой тверской лѣтописи.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Псковскихъ лѣтописей издано двѣ: первая начинается древнѣйшими временами, 859 годомъ и продолжается по одному списку до 1609 года, по другому до 1650. Исчисленіе событій сначала, относящихся до X, XI, и XII вѣка, есть ничто иное, какъ перечень извѣстій, подробно записанныхъ въ первоначальномъ, Сильвестровскомъ сводѣ и первой новгородской лѣтописи. До 1236 года въ лѣтописи нѣтъ ничего, что бы заявляло самобытное, не относящееся къ другому краю, достояніе псковской исторіи, кромѣ смерти Всеволода Мстиславича. Подъ 1236 годомъ первое самобытное извѣстіе, не записанное, сколько мнѣ извѣстно, въ новгородскихъ лѣтописяхъ, именно о разбитіи Нѣмцевъ у Изборска; но очень можетъ быть, что и оно выписано, ибо послѣдующія извѣстія въ 1239 — 1240 г. заимствованы изъ новгородской лѣтописи. Подробнѣе разсказъ о прибытіи въ Псковъ Александра, въ главныхъ выраженіяхъ также сходный съ новгородскимъ. Такимъ образомъ отрывочные разсказы, безъ признаковъ самобытнаго сочиненія, идутъ до смерти Александра Ярославича въ 1264 году. Вся эта часть лѣтописи приставлена уже послѣ и событія изъ другихъ лѣтописей обозначены здѣсь не для сообщенія ихъ, а для означенія только годовъ, чтобы годовому теченію дать отличительные признаки; нѣкоторыя же изъ этихъ извѣстій могли быть распространены даже и позже, при чтеніи другихъ (новгородскихъ) лѣтописей. Собственно лѣтопись начинается съ Довмонта, а можетъ быть даже и позже. Нельзя заключить, чтобъ до того времени у Псковитянъ не существовало лѣтописи, напротивъ болѣе вѣроятно, что она была изстари; но видно, что составитель не имѣлъ въ рукахъ ничего прежде

Довмонта, многое изъ этого имѣлъ безъ годовъ и потому, для повѣрки, сдѣлалъ связь событій по годамъ. Замѣчательно, что въ одномъ изъ списковъ XVI в. говорится послѣ 1241 года: *отъ числа руской земли и до смерти князя александра и до убитія князя литовьскаго миндовга.* Эта приписка заставляетъ предполагать, что позднѣйшій составитель, именно до этой эпохи приписалъ собственно къ псковской лѣтописи начало по числамъ. Сказаніе о Довмонтѣ подъ 1265 годомъ есть первое подробное и самобытное сказаніе псковское; съ тѣхъ поръ идетъ уже непрерывно перечень псковскихъ событій по годамъ и составляетъ дѣйствительно псковскую лѣтопись.

События, вошедшія въ лѣтопись и относящіяся исключительно къ Пскову, слѣдующія: 1) постройки въ Псковѣ, какъ церковныя, такъ и городскія; 2) народныя бѣдствія какъ-то: неурожаи, пожары, наводненія, морозы, моровыя повѣтрія, часто опустошавшія страну; 3) войны съ Нѣмцами и Литвою; 4) внутреннія событія въ XIV и особенно въ XV в., иногда съ юридическимъ характеромъ; 5) церковныя дѣла Пскова.

Лѣтопись Псковская строго мѣстная. Событія, случившіяся въ другихъ земляхъ, приводятся только по отношеніи къ Пскову и были записываемы современниками. Писавшій упоминаетъ о себѣ, подъ 1352 г. по поводу моровой болѣзни: „Се же ми о семъ написавшу отъ многа мало, еже худый мой умъ, въ худости же и память принесе; аще кому се не потребно будеть, да сущимъ по насъ оставимъ, да не до конца забвено будеть". Очевидно, что здѣсь лѣтописатель говоритъ о событіяхъ, которыя самъ помнилъ. Лѣтопись послѣ того перешла въ иныя руки уже въ 1390 году, какъ видно изъ извѣстія о другомъ морѣ въ Псковѣ, по поводу котораго лѣтописецъ присовокупилъ, что такого прежде не бывало (якоже не бывалъ таковъ), но моръ въ 1352 г. описанъ такими красками, что если бъ тотъ же, кто его описалъ, извѣстилъ и о томъ морѣ, который посѣщалъ страну въ 1390 году, то не выразился бы такъ о послѣднемъ, а либо описалъ бы его еще рѣзче,

чѣмъ описалъ прежній, или не сказалъ бы, что такого мора никогда не было во Псковѣ. Подъ 1470 г., по поводу ссоры съ новгородскимъ владыкою, лѣтописецъ говоритъ „се написахомъ елика слышавше и видѣвше“ и сверхъ того намѣкаетъ на существованіе издревле лѣтописи: „аще се кому и не на потребу будетъ, но елико ихъ любезно почитають древняя Лѣтописца.“ Событія описаны вездѣ съ мельчайшею точностью времени и мѣста — такъ писать могли только современники. Онѣ записаны не въ смыслѣ непрерывнаго разсказа, а отрывочными извѣстіями съ обычною фразою *того же лѣта*. Въ XIV и началѣ XV в. они вообще отрывистѣе и короче, чѣмъ далѣе, въ теченіи XV и началѣ XIV в. Разсказъ начинаетъ быть подробнѣе съ 1457 года. Повѣствованіе о паденіи Пскова составляетъ отдѣльную повѣсть. Въ одномъ изъ ненапечатанныхъ списковъ, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ, подобная повѣсть изложена гораздо пространнѣе, чѣмъ въ печатныхъ; она заключаетъ цѣликомъ современную переписку, относящуюся къ этому событію и вообще имѣетъ характеръ скорѣе юридическаго дѣла, чѣмъ повѣствованія. Продолженіе псковской лѣтописи, послѣ уничтоженія самобытности Пскова, сохраняетъ прежній мѣстный характеръ. Характеръ разсказа псковской лѣтописи указываетъ, что это были оффиціальныя записки, которыя велись по обычаю при главномъ центрѣ управленія, вѣроятно при св. Тройцѣ, и даже служили иногда для рѣшенія юридическихъ вопросовъ. Писательство въ Псковѣ было значительно развито, ибо неоднократно Псковитяне ссылаются на грамоты князей и разные письменные акты. Видно лѣтописи были также видомъ этихъ официальныхъ бумагъ, и служили для справокъ; оттого-то въ нихъ такъ усердно записывались всякія постройки, не только церковныя, но и гражданскія. Лѣтописей было въ одно и тоже время много; это указываетъ и теперь существованіе второй псковской лѣтописи, которая есть варіантъ первой съ значительными отмѣнами, и самая разница въ спискахъ первой лѣтописи и, наконецъ, значительная подробность

событій XV в. предъ прежнимъ. Это послѣднее обстоятельство я объясняю себѣ тѣмъ, что отъ времени XV и начала XVI в. остались полнѣе современныя записки, чѣмъ отъ предшествовавшихъ. Пожары, разоренія, впослѣдствіи переселенія изъ Пскова жителей — все вмѣстѣ уничтожало древнюю письменность. Псковскія лѣтописи могутъ считаться въ числѣ лучшихъ указаній для исторіи народа, потому что, сосредоточиваясь на мѣстности, вводятъ насъ въ подробности внутренняго быта и движеній народной жизни. Вѣрно еще и то, что лѣтописцы ставятъ себя на такую точку зрѣнія, которая дѣлаетъ ихъ взглядъ не ихъ личнымъ, но цѣлой массы — это видно повсемѣстно; даже самыя событія выбираются и излагаются такъ, какъ излагались бы, еслибъ побужденіемъ къ этому было впечатлѣніе, произведенное на массу и требованіе общее записать ихъ, преимущественно то, что относится къ массѣ цѣлаго народа.

Вторая псковская лѣтопись, изданная со списка XVI в., есть ни что иное, какъ варіантъ первой и не имѣетъ особаго характера, но заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ частностей въ XV в., не вошедшихъ въ первую псковскую, а это подтверждаетъ убѣжденіе, что въ Псковѣ велись подробныя записки. Кто составлялъ вторую лѣтопись, тотъ хотя пользовался многими источниками, попавшимися въ руки составителя первой, но также попадалъ на такіе, которые не служили для перваго. Очевидно, что составитель первой и второй лѣтописи было не одно и тоже лице; это особенно видно въ первой части второй лѣтописи, гдѣ одно короче, другое подробнѣе чѣмъ въ первой части первой псковской лѣтописи.

ВЯТСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Какъ вѣтвь сѣверныхъ лѣтописей, является въ нашей исторической литературѣ *вятскій* лѣтописецъ, до сихъ поръ не изданный. Онъ извѣстенъ мнѣ по одной рукописи Публичной Библіотеки № 103 Толст. 123, заключающей въ себѣ въ безпорядкѣ разные лѣтописные и хронографическіе отрывки. Въ числѣ по-

мѣщенныхъ въ этой рукописи (XVIII в.) отрывковъ есть повѣсть о началѣ Вятки безъ заглавія и о судьбѣ этого города до XVI вѣка. Она начинается въ лѣто 6682: „отдѣлишася отъ предѣлы великаго Новгорода жители Новгородцы самоволцы дружиною съ своею и шедше плаваху в судехъ на низъ по Волгѣ рѣкѣ дошедше рѣки Камы и пребыша ту нѣколико время и поставиша по Камѣ рѣкѣ градецъ малъ въ обитаніи себѣ и слышаху о Вяткѣ рѣкѣ иже по ней живущихъ Чуди вотяковъ, обладавшихъ многими землями и угодьи, построиша окопы и валы земляные кругъ жилищъ своихъ бояшася находу Руси къ поселенію потребны и угодны". Это начало достаточно показываетъ, что списокъ этой лѣтописи испорченъ. Далѣе разсказывается, что Новгородцы оставляя толпу своихъ на р. Mereкѣ въ новопостроенномъ городкѣ, пошли по Камѣ, перешли въ нагорную сторону и достигли р. Чепца; поплывъ по ней внизъ и плѣняя вотяцкія жилища, окруженныя земляными валами, Новгородцы по р. Чепцу вошли въ р. Вятку и, проплывши верстъ пять, увидѣли по правой сторонѣ, на высокой горѣ, окруженный высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ, Болванскій городокъ, который, по замѣчанію лѣтописца, называется теперь Никола Цыно на р. Никуличинкѣ.

Желая его взять и сознавая трудность этого предпріятія, Новгородцы призвали на помощь страстотерпцевъ Бориса и Глѣба и согласились между собою ни пить, ни ѣсть, пока не возьмутъ этого болванскаго чудскаго городка. Тогда былъ день св. Бориса и Глѣба, и оттого-то они призвали именно этихъ святыхъ. Святые помогли имъ: городокъ былъ взятъ, множество Чуди и Вотяковъ побито; оставшіеся въ живыхъ разбѣжались по лѣсамъ, и Новгородцы построили въ городѣ церковь во имя св. Бориса и Глѣба, (которые такимъ образомъ, стали ихъ патронами) и назвали городъ Никулицынъ. И такъ, это было другое поселеніе Новгородцевъ.

Тѣ, которые основались было на Камѣ, узнавши, что ихъ братія такъ удачно дѣлаетъ завоеванія, отправились по р. Вяткѣ

и тоже стали молиться Борису и Глѣбу, зная что они помогли ихъ землякамъ при взятіи Чудскаго города; святые и этимъ помогли. Новгородцы пошли далѣе и напали на Черемисскій городъ Каршаровъ. Борисъ и Глѣбъ, помогая имъ, устроили такъ, что Черемисамъ показалось, будто на ихъ городъ нападаетъ многочисленное войско; тогда одни изъ нихъ пустились въ разсыпную изъ города, а другіе отворили ворота и безъ боя сдались побѣдителямъ. Завоевавши Каршаровъ, Новгородцы разослали по Вяткѣ и по впадающимъ въ нее рѣкамъ партіи,—провѣдать: нельзя-ли гдѣ нибудь еще что-нибудь отнять. Каршаровъ же они переименовали въ Котельничъ.

Въ тоже время и тѣ, которые поселились въ Чудскомъ Болванскомъ городкѣ, также послали партіи съ тою же цѣлію: одни пришли сверху, другіе—снизу рѣки Вятки и, встрѣтившись, стали искать мѣста, гдѣ бы можно было построить еще городъ. При устьѣ рѣки Хлыновицы, на высокой горѣ, имъ показалось удобнымъ мѣстоположеніе, и они основали тамъ городъ Хлыновъ, нынѣшнюю Вятку. Преданіе, записанное въ лѣтописи, говоритъ, что рѣка Хлыновица названа такъ Новгородцами потому, что на этомъ мѣстѣ они услышали крикъ дикихъ птицъ: хлы, хлы!.

Основаніе Хлынова не обошлось безъ чудесъ. Когда Новгородцы начали строить городъ, то увидѣли дерево, чудотворно приготовленное, сложенное и приплывшее къ мѣсту построенія города. Описавши это построеніе лѣтописецъ упоминаетъ о сооруженіи церкви Воздвиженія Честнаго Креста и прибавляетъ: „и тако Новгородцы начаша общежительствовати, самовластвующе правами и обладаели своими жители, и нравы свои отеческіе, и законы и обычаи Новгородскіе имѣяху, на лѣта много до обладанія великихъ Князей Російскихъ, и прозвавшася Вятчане, рѣки ради Вятки“.

Въ краткомъ описаніи, слѣдующемъ за тѣмъ, не изображается ни общественное устройство, ни внутреннія преобразованія, которыя тамъ происходили. По этому отъ насъ ускользаютъ подробности быта единственнаго русскаго города, который управлялся безъ кня-

зей; мы не знаемъ ни правъ, какія существовали у жителей Вятки, ни властей, которыя были установлены, ни экономическаго быта; лѣтопись сообщаетъ только, что Хлыновъ состоялъ изъ *города* или *Кремля*, опоясаннаго глубокимъ рвомъ съ сѣвера, запада и юга; съ востока же онъ защищался крутымъ берегомъ и рѣкою Вяткою, а вмѣсто городской стѣны были жилища, плотно поставленныя другъ къ другу задними стѣнами. Мѣсто было высокое, удобное для защиты отъ нападеній непріятеля. Тамъ стоялъ колодезь, называемый *Земскимъ*, близъ него была Земская изба и винокурня; кругомъ располагались дремучіе лѣса и непроходимыя болота.

Между тѣмъ количество народонаселенія возростало, какъ естественнымъ путемъ нарожденія, такъ и прибытіемъ новыхъ пришельцевъ. Подлѣ города образовался *посадъ*, и тогда была выстроена деревянная стѣна или *острогъ* съ башнями и воротами.

Населеніе Вятскаго края безпрестанно увеличивалось новыми пришельцами, которые приходили, по замѣчанію лѣтописца, изъ Устюга и Новгорода, недовольные тамошнимъ ходомъ дѣлъ, а также и изъ другихъ странъ: возникали села за селами и погосты новгородскіе: это названіе удержалось за переселенцами; такимъ образомъ былъ построенъ Волковскій погостъ близь Никулицына, внизъ за рѣкою Вяткою поставили церковь Богоявленія и Воскресенія, а близь нихъ возникли населенія, также явилась часовня у рѣки Просницы и поселеніе при ней. Къ сожалѣнію, отношенія между собою пригородовъ, погостовъ и селъ, и степень ихъ зависимости отъ главнаго города не показываются въ повѣсти. Кратко упоминается о томъ, что переселенцы терпѣли частыя и долговременныя нападенія со стороны туземныхъ народовъ— Вотяковъ и Черемисовъ, которые, конечно, непріязненно смотрѣли на новыхъ обитателей древняго своего отечества, также отъ Нагайевъ, Татаръ Казанской и Золотой Орды, появившихся съ береговъ Камы, съ намѣреніемъ истребить переселенцевъ. Поэтому всѣ поселенія были укрѣплены; неоднократно Русскіе выдерживали осады, но никогда не были побѣждаемы: ихъ битвы съ невѣрны-

ми навсегда оставались въ народной памяти съ героическимъ блескомъ. Въ воспоминаніе ихъ Вятчане устроили торжественные ходы и процессіи: такимъ образомъ, въ воспоминаніе битвы съ Вотяками и Черемисами, было установлено каждогодно носить изъ Волковскаго погоста образъ Великомученика Георгія въ Вятку и встрѣчать его торжественно со свѣчами; свѣчи эти символически изображали стрѣлы, которыми вооружены были нападавшіе на нихъ Черемиссы. Другой мѣстно-чтимый образъ былъ образъ Николая Чудотворца, о которомъ въ повѣсти разсказывается исторія его явленія въ Яранскомъ уѣздѣ. Черемиссы препятствовали возникновенію поселеній; однажды Русскіе принужденны были бѣжать отъ нападавшихъ Черемиссовъ и въ побѣгѣ своемъ оставили на горѣ образъ Николая Чудотворца, который былъ съ ними. Черезъ много времени послѣ того при Донскомъ въ 1383 г., за 75 лѣтъ до взятія Вятки, какой-то поселянинъ зачиналъ поселеніе близь той горы и выбралъ себѣ мѣсто недалеко отъ источника. Однажды, отправившись въ лѣсъ за деревомъ, онъ увидѣлъ въ одномъ мѣстѣ свѣтъ, окружавшій образъ Николая Чудотворца; поселянинъ взялъ его и поставилъ у себя въ избѣ; около него начали селиться и другіе: заводилось и умножалось новое поселеніе; тогда образъ оказался цѣлительнымъ и чудотворнымъ, и въ избу поселянина, у котораго онъ былъ, начали стекаться богомольцы. Наконецъ, вѣсть объ этомъ дошла до Хлынова и тамошнее духовенство стало помышлять, какъ бы тотъ образъ пріобрѣсть для Вятки. Но жители деревни, гдѣ онъ находился, ни зачто не уступали, такъ что городскіе жители едва упросили ихъ уладить дѣло такъ, что изъ Хлынова будутъ ежегодно совершать крестный ходъ въ эту деревню и приносить туда образъ. Такимъ образомъ установлено было каждогодное хожденіе къ мѣсту, гдѣ находился прежде образъ — на такъ называемую, Великую рѣку. Извѣстіе это показываетъ нѣсколько свободныя отношенія зависимыхъ отъ Хлынова поселеній, ибо Хлыновцы не могли безъ условія отнять образъ у поселянъ.

По извѣстію повѣствователя, Новгородцы долго враждовали

противъ Вятчанъ, тѣмъ болѣе, что этотъ край сдѣлался притономъ недовольныхъ въ Великомъ Новгородѣ. Новгородъ считалъ Вятку своей колоніей и хотѣлъ зависимости, какую оказывали ему другія колоніи. По этому, говоритъ лѣтопись, Новгородцы представили своимъ князьямъ, что Вятчане бѣглецы и разбойники; князья вообще не любили Вятки, потому что тамъ не хотѣли признавать княжеской власти. Новгородцы, подавая князьямъ отказные на Вятчанъ, предавали ихъ на произволъ князей, а князья—говоритъ повѣсть—почитая Вятчанъ самовольниками, не давали имъ согласиться и примириться съ Новгородцами. Тогда возникло преданіе, будто Вятчане получили свое начало отъ любовниковъ женъ Новгородцевъ, отправившихся изъ родины на семь лѣтъ по случаю войны, и дѣтей, прижитыхъ съ ними незаконно—басня, показывающая знакомство съ греческою исторіею, ибо напоминаетъ основаніе Тарента. Повѣсть наша положительно отвергаетъ это сказаніе и увѣряетъ, что Вятчане не бѣглецы, а отправились изъ Новгорода съ согласія Новгородцевъ. Вятчане долго отстаивали себя и отъ злобы метрополіи, и отъ князей: нѣсколько разъ князья посылали противъ нихъ рати, но всегда безуспѣшно; Вятская сторона отлично была защищена природою: трудно было достигнуть до нее сквозь непроходимые лѣса и болота, а Вятчанамъ извѣстны были всѣ пути въ своемъ отечествѣ.

Долго такимъ образомъ Вятчане защищались отъ своихъ и чужихъ. Наконецъ, при Василіѣ Дмитріевичѣ въ 1391 году, Тохтамышъ послалъ туда царевича Бехтута, который успѣлъ взять городъ; множество жителей погибло, другіе разбѣжались, нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ. Но это было мгновенное бѣдствіе; съ своей стороны Вятчане отплатили Татарамъ покореніемъ Сарая.

Извѣстіе о паденіи Вятки, помѣщено въ четвертой Новгородской лѣтописи.

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

СУЗДАЛЬСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Лѣтопись суздальской земли дошла до насъ не въ ея первобытномъ видѣ, и существованіе ея можно признавать только изъ такихъ извѣстій, которыя исключительно относятся къ этому краю и не могли быть замѣчены и внесены въ лѣтописное повѣствованіе никѣмъ другимъ кромѣ тѣхъ, которые жили въ этомъ краѣ. Кромѣ того, въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописцы говорятъ о себѣ и показываютъ, что они жили въ суздальской странѣ и описывали ея исторію. Послѣдовательноо повѣствованіе о судьбахъ суздальскаго края начинается съ поставленія Андрея Боголюбскаго, съ 1157 года, когда Ростовцы и Суздальцы признали своимъ княземъ Андрея по приговору общаго вѣча. Дальнѣйшій рядъ событій сохранился въ спискахъ, или сборникахъ: Лаврентьевскомъ, Троицкомъ, Софійскомъ и Воскресенскомъ; въ этомъ послѣднемъ есть даже заглавіе, какъ бы принадлежавшее этой лѣтописи, когда она существовала самобытно, именно: „Наста княженіе суздальское Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ а столъ великое княженіе Володимірское въ лѣто 6665“. Быть можетъ дѣйствительно съ этого

времени началась самобытная суздальская лѣтопись, но кажется ей предшествовала другая, не въ Суздалѣ, а въ Ростовѣ, ибо Симонъ, епископъ Владимірскій, упоминаетъ о ростовскомъ лѣтописцѣ, указывая, что въ немъ можно найти имена владыкъ, достигшихъ этого званія изъ монаховъ Печерской обители. Въ Софійскомъ Временникѣ есть извѣстіе о построеніи Юріемъ Долгорукимъ церкви въ Суздалѣ и Владимірѣ и это также должно быть взято изъ мѣстной лѣтописи.

Тѣмъ не менѣе явные слѣды существованія непрерывной лѣтописи суздальскаго края видны съ 1157 года. Лѣтопись эта велась въ городѣ Владимірѣ. Доказательства тому слѣдующія: 1) изъ событій всей суздальской земли стоятъ на первомъ планѣ событія, случившіяся во Владимірѣ; 2) при описаніи споровъ и несогласій, возникшихъ между городами Владиміромъ съ одной, и Ростовомъ и Суздалемъ съ другой стороны, лѣтописецъ не остается въ полномъ безпристрастіи, но принимаетъ сторону Владиміра. О времени своемъ и о современныхъ лицахъ лѣтописцы говорятъ: 1) подъ 1185 г. по поводу поставленія епископа Луки обращеніе къ нему, еще живому; слѣдовательно, лѣтописецъ жилъ въ концѣ XII вѣка; 2) по поводу разсказа о смерти Боголюбскаго обращеніе къ душѣ убитаго князя съ просьбою молиться за брата князя Всеволода. Всеволодъ умеръ въ 1212 г., слѣдовательно лѣтописецъ писалъ до этого времени. Въ началѣ лѣтопись состоитъ изъ отрывочныхъ извѣстій о построеніи церквей, кончинѣ важныхъ лицъ, небесныхъ знаменіяхъ, княжескихъ бракахъ; потомъ мало по малу входятъ политическія событія. Лѣтописецъ пишетъ съ явнымъ пристрастіемъ къ княжескому дому, властвовавшему во Владимірѣ и съ порицаніемъ тѣхъ, которые съ нимъ были въ несогласіи: расточаются укоры Новгородцамъ по поводу ссоры ихъ съ Андреемъ; лѣтописецъ принимаетъ сторону Всеволода въ его распряхъ съ дѣтьми Ростислава Юрьевича; въ описаніи распрей Всеволода съ Рязанскими Князьями уклоняется отъ безпристрастія другихъ лѣтописцевъ въ подобныхъ случаяхъ, и при-

писываетъ побѣды Всеволода св. Богородицѣ. Замѣчательно, что въ немъ проглядываетъ стремленіе придать царственное достоинство владимірскому князю и въ этомъ отношеніи видно сознаніе развитія зародышей единодержавія, и вообще стремленіе къ установкѣ новыхъ государственныхъ понятій. По поводу распрей Ростовцевъ съ Владимірцами лѣтописецъ, сознавая старѣйшинство по времени за Ростовомъ и Суздалемъ, говоритъ, что Владимірцы заслужили себѣ первенство тѣмъ, что избрали сына Юрьева: „се бо Володимерци прославлены Богомъ по всей землѣ за ихъ правду Богови имъ помогающу“. Тутъ признается во первыхъ справедливость первенства по рожденію: сына по отцѣ, а не старшаго въ родѣ и дается городу значеніе столичности, богоизбранія; побѣды великаго князя приписываются Божію благословенію, враги его — тѣмъ уже грѣшатъ передъ Богомъ, что они враги Князя. Церковное начало призывается на помощь начинающемуся единовластію, къ которому должна повести наслѣдственность по исходящей линіи, по преемству сына послѣ отца. Лѣтописецъ любитъ приводить мѣста изъ священнаго писанія, распространяется о характеристикѣ князей Всеволодова дома и расточаетъ имъ похвалы за щедрость къ монастырямъ и церквамъ; тонъ лѣтописи не позволяетъ сомнѣваться, что она писана людьми духовнаго званія.

Съ 1208 года лѣтопись переходитъ въ другія руки; но преемникъ продолжаетъ въ прежнемъ духѣ, оказываетъ тоже расположеніе къ княжескому дому, прежнее предпочтеніе городу Владиміру передъ другими городами Руси; онъ, безъ сомнѣнія, тоже духовное лице, что видно и по участію къ церковнымъ интересамъ, и по взгляду, такъ сказать, церковному. У него болѣе развита драматическая форма, чѣмъ у предшественника; текстовъ изъ св. писанія онъ не приводитъ, но за то собственно церковнаго велерѣчія у него болѣе; примѣромъ такого велерѣчія можетъ служить длинная похвала князю Константину Всеволодовичу подъ 1218 годомъ.

О войнѣ Мстислава Удалаго въ Лаврентьевскомъ спискѣ

нѣтъ ничего; въ Воскресенскомъ же и Троицкомъ заимствовано изъ новгородскихъ сказаній, а не изъ суздальскихъ. Лѣтописецъ подъ 1224 г. упоминаетъ о своей личности по поводу посвященія въ епископы Митрофана: „приключися и мене грѣшному ту быти“. Съ этого времени суздальско-владимірская лѣтопись сохранилась полнѣе въ Воскресенскомъ, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ; такъ: въ первомъ гораздо подробнѣе, чѣмъ во второмъ о войнѣ съ Болгарами подъ 1229 годомъ; въ томъ же подробнѣе чѣмъ въ Лаврентьевскомъ объ Аврааміи, замученномъ Болгарами. Въ описаніи событій XIII вѣка видны явные слѣды, что лѣтопись ведется годъ за годъ и каждое событіе записывается человѣкомъ, знавшимъ его близко по времени; такъ напр., подъ 1231 годомъ, говоря о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Кириломъ, епископомъ Богородичной церкви, лѣтописецъ выражается: „еже есть до сего дне“. Видно, что это сказаніе было до разоренія города Татарами, случившагося въ 1237 году. О князѣ Василькѣ Ростовскомъ говорится при этомъ случаѣ какъ о живомъ: „въ заступленье и покровъ и утверженье граду Ростову и христолюбцу князю Васильку и княгинѣ его и сынови его Борису“ — а въ 1237 г. этого князя не стало. Татарское разореніе описано подробно и современникомъ, если не очевидцемъ владимірскихъ бѣдствій, потому что, по извѣстіямъ самаго лѣтописца, во Владимірѣ перебили всѣхъ. Вѣроятно это сказаніе написано въ Ростовѣ, который, какъ видно, уцѣлѣлъ болѣе другихъ городовъ, ибо лѣтописецъ подробно описываетъ погребеніе князя Василька; что онъ былъ современникъ видно изъ того, что онъ проситъ милости отъ Бога ради молитвъ блаженнаго епископа Кирилла, который еще въ живыхъ. О княженіи Александра также пишетъ современникъ ибо говоритъ о себѣ: „самовидецъ есмь возрасту его“. Слѣды суздальской лѣтописи сохраняются кромѣ Лаврентьевскаго, еще въ спискахъ: Воскресенскомъ и Софійскомъ черезъ весь рядъ событій XIII и XIV вѣковъ; они проглядываютъ въ сообщеніи такихъ извѣстій, которыя относятся къ мѣстнымъ дѣламъ и слишкомъ частны,

чтобъ быть замѣченными, если въ лѣтопись ввелись въ другихъ мѣстахъ. Съ XIV в. лѣтопись переходитъ въ Москву, но въ какое именно время нельзя опредѣлить съ точностью, ибо извѣстія о Москвѣ, краткія и отрывочныя, могли быть также занесены и въ Суздальскую, и потому нельзя основывать перенесеніе лѣтописи въ Москву единственно на томъ, что упоминаются Московскія дѣла; но мало-по-малу интересъ московскій беретъ въ повѣствованіи преимущество.

Тверской лѣтописецъ упоминаетъ о Владимірскомъ лѣтописцѣ и называетъ его Полихрономъ; онъ ссылается на него въ описаніи дѣлъ, относящихся до первыхъ тверскихъ князей въ первой половинѣ XIV вѣка.

ПЕРЕЯСЛАВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Такъ называемая переяславо-суздальская лѣтопись, открытая при старомъ переводѣ хронографа Іоанна Малалы и изданная княземъ Оболенскимъ въ 1851 году, доходитъ только до 1214 года. Въ началѣ составитель сокращалъ Сильвестровъ сводъ, но съ нѣкоторыми отмѣнами, напр., при описаніи обычаевъ у Радимичей и Вятичей, по поводу извѣстій объ *игрищахъ межи селы*, говорится о плaскахъ и о способѣ сближенія молодыхъ людей обоихъ половъ; по поводу мести Ольги надъ Древлянами говорится, что послы, пришедши отъ Древлянъ, были пьяны, что ихъ одѣли въ „порты многоцѣньны червены вси жемчюгомъ иссаждены“ и что запросъ голубей и воробьевъ сдѣланъ былъ подъ предлогомъ принесть въ жертву богамъ для успокоенія Игоря; но позднѣйшіе переписчики сильно испортили текстъ, что видно изъ того, что въ 995 году при извѣстіи о битвѣ силача съ Печенѣгами, Печенѣги названы Татарами. Лѣтопись носитъ заглавіе „Лѣтописецъ Русскихъ Царей“, и это одно показываетъ вліяніе на нее позднѣйшихъ рукъ. Названіе *Переяславской*, данное ей учеными, происходитъ отъ двухъ признаковъ: 1) въ разсказѣ объ убіеніи Андрея, лѣтописецъ

обращается къ душѣ убитаго и проситъ ее молить Бога за „Князя нашего и Господина Ярослава“, а не Всеволода, а князь Ярославъ княжилъ въ Переяславлѣ послѣ того; 2) послѣ смерти Андрея, лѣтопись, сходно съ Лаврентьевскимъ спискомъ, говоритъ о распряхъ города Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавляетъ имя *Переяславцевъ*, какъ *союзниковъ* Владимірцевъ, тамъ гдѣ въ Лаврентьевскомъ спискѣ идетъ рѣчь только о послѣднихъ. Доказательства довольно слабыя; кажется, что этотъ лѣтописецъ есть ни что иное, какъ варіантъ Суздальской лѣтописи и если есть какое нибудь отношеніе его къ Переяславлю, то можетъ быть то, что онъ, ходя по рукамъ, былъ переписанъ въ Переяславлѣ и тамъ переписчикъ прибавилъ имя своихъ согражданъ; что касается до перемѣны имени князя, то въ такъ называемомъ Переяславскомъ лѣтописцѣ есть еще и другія перемѣны именъ, напр., Вячеслава онъ называетъ Ярославомъ, а подъ 1204 г. дополняетъ пробѣлы въ Лаврентьевскомъ спискѣ; съ 1208 г. разсказываются многія изъ событій, не вошедшія въ послѣдній, другія разсказаны иначе, напр., по Лаврентьевскому списку князь Всеволодъ, побѣдивши рязанскихъ князей, посадилъ въ Пронскѣ Олега Владиміровича, а по переяславскому — Давида Муромскаго.

Переяславо-Суздальская лѣтопись особенно важна потому, что въ ней находимъ важное объясненіе того, какъ князья, пріобрѣтая княженіе по родовому праву, должны были получать согласіе вѣча: „Ярославъ же пріѣхавъ въ Переяславль мѣсяца априля въ 18 день съзвавъ вси Переяславци къ св. Спасу и рече имъ: братія Переяславци, се отець мой иде къ Богови, а васъ удалъ мнѣ. А мене оудалъ вамъ на руцѣ, да рците ми братія аще хощете мя имѣти собѣ, якоже имѣсте отца моего и голови своя за мя сложити. Они же вси тогда рекоша: вельми господине тако буде; ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ. И цѣловаша къ нему вси крестъ. И тако седе Ярославъ въ Переяславли на столѣ, идежи родися“.

ТВЕРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Послѣ вступленія Твери на театръ исторической дѣятельности въ XIV в. явилась тамъ отдѣльная лѣтопись. Въ одномъ изъ сборниковъ Погодина (№ 970) въ спискѣ русскихъ лѣтописей сохранились отрывки этой лѣтописи и въ одномъ мѣстѣ свидѣтельство о ея существованія: „благочестія дрьжателя православнаго и христолюбиваго князя Бориса еже велѣлъ ми есть написати отъ слова часть премудраго Михаила и Боголюбиваго князя“. Этотъ Михаилъ есть Михаилъ Александровичъ, сынъ Александра Михайловича. Трагическая судьба прежнихъ князей не составляетъ предметъ этой лѣтописи; напротивъ она оговариваетъ это: говоря о родословной князей тверскихъ, лѣтописецъ выражается „Ярославу сынъ бѣ Всеволодъ, а Всеволоду сынъ бѣ Владиміръ, а Владиміру сынъ бѣ Юрій, а Юрію бѣ сынъ Всеволодъ, а Всеволоду сынъ бѣ Ярославъ, а Ярославу сынъ бѣ Ярославъ, а Ярославу сему сынъ бѣ Михаилъ, а Михаилу бѣ сынъ Александръ, а Александру сынъ бѣ доблей, Михаилъ. На Александрѣ жо, иже такоже самодержецъ бѣ, владѣяше землю русскую, якоже и отець его Михаилъ и вси прадѣды его до здѣ пишущу оуставихъ исъ прьваго лѣтописца воображающе, якоже володимерскій Полихронъ степенемъ приведе, явѣ оуказуетъ и прочестнѣйша сего въ князехъ являеть“.

Мѣсто это очень важно для исторіи лѣтописей, ибо видно, что во Владимірѣ велась лѣтопись и въ XIII и въ XIV в.; названіе *Полихронъ* показываетъ, что тогда уже лѣтописи начинали принимать значеніе цѣло-русскихъ, обнимающихъ теченіе дѣлъ во всей русской землѣ. Но эта ссылка на Владимірскаго Полихрона показываетъ только, что лѣтописецъ, задавшій себѣ работу писать лѣтопись князя Михаила Александровича, находилъ извѣстія о тверскихъ князьяхъ обширнѣе и пространнѣе въ Полихронѣ владимірскомъ. Дѣйствительно такъ и было, судя по описаніямъ судебъ тверскихъ князей въ дру-

гихъ спискахъ; но тѣмъ не менѣе существовала короткая лѣтопись тверская о прежнемъ времени, и въ той же самой рукописи сохраняются ея слѣды, перебиты выписками изъ другихъ, въ смѣшеніи съ другими извѣстіями. Очевидно, слѣды ея существованія начинаются съ извѣстія *о заложеніи Спаса въ Твери.* По тогдашнимъ народнымъ понятіямъ признакомъ самобытности этого края была первая главная соборная церковь; тогда же поставленъ былъ епископъ въ Твери. Отсюда идутъ лѣтописныя извѣстія въ послѣдовательной чередѣ. Встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько пустыхъ годовъ отдѣльно. Годы перепутаны и Тверская лѣтопись отстаетъ двумя годами отъ первой Софійской. Исторія Михаила Ярославича подробнѣе и разбита на годы; но слова и выраженія тѣ же, какъ и въ сказаніи о судьбѣ этого князя, внесенномъ цѣликомъ въ Софійскую лѣтопись. Кажется, что въ послѣдней только распространено и украшено велерѣчиво короткое извѣстіе, такъ что то, что̀ записано въ тверской, и есть старшей редакціи. О дальнѣйшихъ дѣлахъ извѣстія вообще коротки, есть нѣкоторыя не записаныя въ другія списки, напр. о возстаніи въ Твери при Александрѣ Михайловичѣ, по поводу пришествія Шевкала. Здѣсь приводятся такія обстоятельства, которыхъ нѣтъ нигдѣ, именно о томъ, что избіеніе татаръ началось съ того, что дьяконъ Дюдько велъ поить кобылицу, которую отняли у него татары. Самое избіеніе татаръ описано наглядно, но потомъ разореніе Твери коротко. Послѣ этого событія, лѣтопись въ спискѣ перебивается другими извѣстіями, взятыми очевидно не изъ Тверской; но явныя извлеченія изъ послѣдней слѣдуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ съ 6837 г. опять на нѣсколько лѣтъ идетъ тверская лѣтопись краткими извѣстіями со включеніемъ пустыхъ годовъ; съ 6845 опять прерывается и подъ 6871 г. описывается съ подробностями приготовленіе къ смерти князя Александра Михаиловича, и страдальческая его кончина. Въ слѣдующемъ затѣмъ описаніи событій при Михаилѣ Александровичѣ видно взятое изъ собственно тверской

лѣтописи по сочувствію къ этому князю во время споровъ его съ Новгородцами и Московскимъ княземъ; съ 6884 г. въ спискѣ прекращается собственно-тверская лѣтопись; тверскія дѣла перемѣшиваются съ другими, но лѣтопись тверская еще существуетъ, ибо многія извѣстія, касающіяся до Твери таковы, что могли быть записаны только Тверитяниномъ, напримѣръ подробности о прибытіи Митрополита изъ Царьграда подъ 6898 годомъ. Подъ 6097 описаніе полное сочувствія, какъ Михаилъ Александровичъ встрѣчалъ икону, привезенную съ Востока, какъ постригся въ чернецы, прощался съ народомъ, назначилъ вмѣсто себя сына. Пустые годы въ этой лѣтописи заставляютъ подозрѣвать, что она составлена именно тогда, когда говоритъ и предисловіе, и имѣетъ связь съ тою, къ которой это предисловіе служитъ вступленіемъ.

Послѣ смерти Михаила Александровича слѣдуетъ предисловіе и потомъ извѣстіе объ Александрѣ и Михаилѣ, о воспитаніи послѣдняго. Затѣмъ слѣдуетъ глава — начало княженія Михаила Александровича о распряхъ его съ Василіемъ Кашинскимъ, но потомъ слѣдуютъ только похвалы ему, и вслѣдъ затѣмъ новое заглавіе: „начало княженія Ивана Михаиловича Тверскаго", такъ что эта часть есть непосредственное продолженіе Тверской лѣтописи послѣ смерти Михаила Александровича. Описавши, какъ Василій Дмитріевичъ приглашалъ тверскаго князя воевать противъ Витольда и нанялъ Татаръ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что старцы въ Твери вообще сопротивлялись приглашенію Татаръ и представляли ту опасность, что Татаръ, и вообще чужихъ, не слѣдуетъ принимать въ воины: „добро-ли се будетъ дума юныхъ нашихъ бояръ? Не сихъ-ли ряди и Кіеву и Чернигову бѣды приключишася? и что когда имуще брань съ собою и подышаютъ что ловець навожаху на ся да прьвое бо наимуючи ихъ сребро издаша изъ земля своея и иные смотриша народы рускія и самѣмъ издолѣша, да не будетъ пакости въ нашей земли на прочія дни, да не како татарове свысмотрятъ наряда земля нашея а всхотятъ сами пріити". Тверитяне съ этихъ

поръ, говоритъ лѣтописецъ, отказывались помогать Москвѣ противъ Литвы, и при этомъ обращается къ какому-то боголюбивому отцу Варлааму. Потомъ лѣтописецъ оскорбляется отъ лица всѣхъ тверичанъ, что московскій князь не поставилъ имени тверскаго князя Ивана въ договорѣ, и распространяется объ этомъ, защищая тверскую сторону и обращаясь къ какой-то боголюбивой главѣ („о боголюбивая главо!"). Лѣтопись тверская прерывается въ спискѣ вслѣдъ за этимъ, и далѣе отъ 6929 года, по вступленіи князя Бориса Александровича, сына Александра Ивановича. Впослѣдствіи въ томъ же спискѣ хотя есть извѣстія, касающіяся до Бориса Александровича, но нѣтъ доказательствъ, чтобы они непремѣнно взяты изъ особой тверской лѣтописи; онѣ могли составлять и часть общаго лѣтописнаго сказанія.

СОФІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ.

Софійскій Временникъ есть сводъ предыдущихъ лѣтописей съ нѣкоторыми добавленіями изъ такихъ первоначальныхъ лѣтописныхъ разсказовъ, которые до насъ не дошли и со вставками, составляющими эпизодическія цѣлыя. Въ началѣ въ немъ первоначальная Сильвестрова лѣтопись, но съ нѣкоторыми отмѣнами, очень важными не столько по содержанію, сколько потому, что бросаютъ свѣтъ на способъ составленія лѣтописи. Сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба хотя имѣетъ ту же основу, какъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ, но другимъ слогомъ разсказано съ отмѣнами отъ Лаврентьевскаго. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ идетъ непрерывное повѣствованіе, тамъ онъ сходится съ Лаврентьевскимъ, но тамъ, гдѣ короткія извѣстія — отмѣны, вставки, переставки, добавки и это подтверждаетъ мысль, что эти короткія извѣстія вставлены уже впослѣдствіи, при разбивкѣ повѣсти на годы. Нерѣдко тоже происшествіе отнесено къ различнымъ годамъ; напр., подъ 6506—6508 въ Лаврентьевскомъ о преставленіи Мальфрѣдь и Рогнѣдь, а въ 6509 о преставленіи Изяслава Владиміровича; въ Софійскомъ

же о смерти первыхъ двухъ княгинь нѣтъ ничего, эти же пустые годы заканчиваются смертью Изяслава, и вслѣдъ за тѣмъ нѣтъ о преставленіи Всеслава Изяславича, о которомъ упомянуто въ Лаврентьевскомъ послѣ двухъ пустыхъ годовъ: 6510 и 6511; далѣе — нѣтъ въ Софійскомъ послѣ 6512, 6513, 6514 и 6515 о перенесеніи святыхъ въ церковь Богородицы, о чемъ упоминается въ Лаврентьевской. Подъ 6525 г. въ Лаврентьевской говорится: „Ярославъ иде въ Кіевъ о погорѣша церква“, а въ Софійскомъ подъ этимъ годомъ о приходѣ Печенѣговъ, ихъ разбитіе и заложеніе великаго града Кіева и св. Софіи, о поставленіи златыхъ вратъ, такъ что вслѣдствіе этого подъ 6545 говорится о свершеніи города Кіева и св. Софіи, какъ бы окончаніи задуманнаго въ 6525 году; между тѣмъ какъ въ Лаврентьевскомъ подъ 6545 г. годомъ говорится о заложеніи, а не о свершеніи. Въ Лаврентьевскомъ подъ 6535 г. о рожденіи Святослава Ярославича, подъ 6536 о знаменіи на небесахъ, подъ 6537 сказано: „мирно бысть“, — а въ Софійскомъ подъ 6535 о рожденіи Святослава и о знаменіи, опредѣлительно названномъ *зміемъ*, а прочіе годы пусты. Эти отличія показываютъ, что числопоста̀вщиковъ было нѣсколько, и одинъ другаго поправлялъ: одинъ находилъ, что такое-то извѣстіе слѣдуетъ поставить въ этотъ годъ, другой въ иной. Случаются событія, записанныя въ Софійскомъ и не записанныя въ Лаврентьевскомъ, напр. подъ 6546 о походѣ Улѣба на желѣзныя ворота, подъ 6546 о томъ, что Ярославъ ходилъ на Ятвяговъ, именно зимою, и не могъ ихъ взять, а въ Лаврентьевскомъ сказано только, что онъ ходилъ на Ятвяговъ. Въ Софійскій Временникъ входятъ многія событія, относящіяся къ Новгороду; нѣкоторыя изъ нихъ есть въ новгородскихъ лѣтописяхъ, другія съ ними не сходны, а нѣкоторыхъ вовсе нѣтъ, именно: подъ 6556 и 6557 годами о сгорѣніи церкви Софійской съ подробнымъ положеніемъ ея мѣстности; или напр., о походѣ Остромира посадника на Чудь и вслѣдъ за тѣмъ о походѣ на Чудь же князя Изяслава Ярославича, подъ 6562 г.

и проч. о походѣ Изяслава на Сосолы и Чудь. Такимъ образомъ видимъ: 1) что числовая первоначальная лѣтопись была пересоставлена, такъ что одинъ составщикъ ставилъ отдѣльныя извѣстія туда, другой сюда, соблюдая сплошной разсказъ; 2) что впослѣдствіи внесены были извѣстія новгородскія, вѣроятно изъ лѣтописи, до насъ не дошедшей. Софійскій Временникъ здѣсь есть уже историческій сводъ, иначе составленнаго числоваго свода Сильвестрова (а можетъ быть и древнѣе Лаврентьевскаго) съ новгородскою лѣтописью. Печерской лѣтописи нѣтъ, исключая отрывка о кончинѣ Өеодосія; также нѣтъ проповѣди подъ 1067 годомъ. За то отдѣльный разсказъ о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба (1072) подробнѣе и полнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевской. Съ 1076 года замѣтна болѣе и болѣе разница между Лаврентьевскимъ и Софійскимъ текстами: въ послѣднемъ многихъ извѣстій нѣтъ, въ томъ числѣ всей исторіи битвы на нѣжатиной нивѣ, и благочестивыхъ размышленій по поводу смерти Изяслава, которыя мы признаемъ за проповѣдь, говоренную при его погребеніи; нѣтъ исторіи объ убіеніи половецкихъ князей въ Переяславлѣ; нѣтъ поученія Мономахова, но сохраняется исторія Василька. Я думаю, что сохранившіяся и несохранившіяся въ одномъ и другомъ спискѣ сказанія составляли отдѣльные разсказы сами по себѣ. Далѣе идутъ извѣстія кіевскія въ болѣе сокращенномъ видѣ, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ, съ прибавкою новгородскихъ, по большей части заимствованныхъ изъ первой новгородской лѣтописи, а потомъ и изъ суздальской. Послѣ Татаръ Софійскій Временникъ дѣлается уже преимущественно новгородскою лѣтописью вмѣстѣ съ другой лѣтописью, служившей продолженіемъ суздальской, писанной вѣроятно въ Ростовѣ; онъ унизанъ, такъ сказать, нѣсколькими эпизодическими пространными разсказами, напр. „о велицѣмъ князѣ Александрѣ", варіантъ того, который помѣщенъ также въ воскресенской лѣтописи, разбитый на годы вѣроятно послѣ, разсказъ объ убіеніи Михаила Черниговскаго, повѣсть объ убіеніи Михаила Тверскаго, рукописаніе

Магнуса Свейскаго, грамота митрополита Кипріяна, посланіе новгородскаго архіепископа Василія къ тверскому владыкѣ, побоище Мамаево, о житіи и преставленіи князя Дмитрія Ивановича, о взятіи Тохтамышемъ Москвы, побоище Витолтово съ Темиркутлукомъ, описанное новгородскою лѣтописью. Новгородскія извѣстія по большей части суть видоизмѣненія того, что заключается въ лѣтописяхъ первой и четвертой; съ 1371 года начинаются подробныя извѣстія о тверскихъ дѣлахъ, показывающія, что они взяты изъ такого лѣтописнаго сказанія, котораго составитель находится въ Твери; дѣла смоленскія, нѣсколько распространнѣе, чѣмъ въ четвертой новгородской лѣтописи, должны быть взяты изъ смоленской лѣтописи подъ 1386 г.; тоже должно замѣтить и о другихъ извѣстіяхъ, касающихся частной жизни Смоленска, напр. подъ 1387, 1395, 1400; изъ нихъ нѣкоторыя вошли и въ четвертую новгородскую лѣтопись, но могли быть взяты въ Соф. Вр. изъ послѣдней. Есть также мѣста, относящіяся исключительно къ дѣламъ Великаго Литовскаго Княжества безотносительномъ къ сѣверной и восточной Руси, напр. объ острожскомъ князѣ Дашкѣ подъ 1418 г. вѣроятно взятыя или изъ Смоленской, или изъ какой нибудь другой западно-русской лѣтописи.

Съ 1471 года лѣтопись занимается преимущественно дѣлами Новгорода и Пскова; здѣсь вставлено подробное описаніе паденія новгородской независимости, писанное, безъ сомнѣнія. современникомъ, но человѣкомъ, расположеннымъ къ московской сторонѣ и, судя по тону и пріему, духовнымъ лицомъ. Думаютъ, что это описаніе принадлежитъ митрополиту Филлипу. Потомъ, до паденія Пскова, Временникъ занимается псковскими дѣлами; взятіе Пскова составляетъ отдѣльный эпизодъ (*). Вслѣдъ за

(*) Пространнѣйшій разсказъ о томъ же событіи есть въ одномъ сборникѣ Румянцовскаго Музея; онъ составляетъ варіантъ находящагося въ Софійскомъ Временникѣ, но съ бо̀льшими подробностями и со включеніемъ подлинныхъ переговоровъ между В. Княземъ Московскимъ и Псковомъ.

этимъ, лѣтописное повѣствованіе сосредоточивается на дѣлахъ государства вообще. Лѣтопись, очевидно, ведется въ Москвѣ, ибо упоминаются подробныя событія, относящіяся исключительно къ дѣламъ столицы. Списки этого Временника чрезвычайно разнообразны, особенно съ 1383 года, но съ 1471 года разность увеличивается до того, что окончанія его составляютъ особыя лѣтописныя сочиненія.

ВТОРАЯ СОФІЙСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Вторая Софійская лѣтопись есть, собственно, варіантъ первой Софійской, отмѣнно съ 1397 года и оканчивающійся 1552 г. именно временемъ, когда единодержавный укладъ вполнѣ торжествуетъ надъ удѣльнымъ. Она напечатана съ разныхъ списковъ, основаніемъ которымъ служилъ принадлежавшій Патріарху Никону. По богатству и подробности частей, составляющихъ эту лѣтопись, она представляетъ превосходный источникъ для изученія теченія русской жизни государственнаго строя и нравовъ конца удѣльнаго уклада XV вѣка. Отличительный характеръ ея, это—множество вставленныхъ въ нее длинныхъ повѣствованій, отдѣльныхъ статей, писемъ и актовъ, такъ что собственно это болѣе историческій сборникъ, чѣмъ лѣтопись. Дѣйствительно, нельзя предположить, чтобы существовалъ сочинитель этого Сборника, но это есть сводъ многихъ, разнообразныхъ сочиненій. Въ немъ, по этому, слѣдуетъ различать двѣ части: 1) собственно лѣтописную и 2) вставныя сказанія. Но и въ собственно-лѣтописной является двойной характеръ: одни извѣстія коротки, въ видѣ записокъ, что̀ когда сдѣлано, что̀ произошло; другіе, напротивъ, носятъ характеръ непрерывныхъ повѣстей и хотя, разбитыя на годы, въ формѣ составляютъ часть собственно лѣтописи, но въ сущности также должны быть почитаемы отдѣльно-сочиненными сказаніями. Такова напр., исторія распрей Шемяки и братьевъ его съ Василіемъ Васильевичемъ, отличающаяся въ разсказѣ большими подробностями и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ признаками драммати-

ческаго изложенія. Изъ сказаній отдѣльныхъ нѣсколько отрывковъ изъ житій святыхъ и легендъ, болѣе или менѣе любопытныхъ и важныхъ для изученія народныхъ вѣрованій и религіозныхъ понятій вѣка. Есть нѣсколько современныхъ актовъ, напр., духовная митрополита Фотія, посланіе ростовскаго епископа Вассіана по поводу ополченія противъ Татаръ. Въ лѣтопись включено большое сказаніе о восьмомъ (Флорентинскомъ) соборѣ съ граммотою папы Евгенія.

Изъ сказаній о политическихъ дѣлахъ, чрезвычайно важна историческая повѣсть о паденіи Новгорода, написанная очень подробно. Это самое пространное извѣстіе о паденіи удѣльности въ Руси. Сказаніе это отлично отъ того, которое помѣщено въ первой Софійской лѣтописи, но написано не съ новгородской, а съ московской точки зрѣнія. Авторъ самъ о себѣ даетъ знать, что онъ принадлежалъ къ сторонѣ великаго князя, ибо, описывая шелонскую битву, говоритъ: „Наши же (Москвичи), ставши на побоищѣ томъ" или „единъ у нашихъ убіенъ бысть". Сказаніе это разбито на годы, то есть, части его являются въ разныхъ годахъ, раздѣленныя другими происшествіями: послѣ шелонской битвы слѣдуетъ по списку подъ 1476 г. поѣздка Ивана Васильевича въ Новгородъ и исчисленіе даровъ, подробно поименованныхъ съ извѣстіемъ, отъ кого что было дано, и судъ великаго князя въ Новгородѣ. Подъ 1478 г. пространный разсказъ о послѣдней развязкѣ Новгородской исторіи. Въ этомъ разсказѣ авторъ, очевидно, пользовался подлиннымъ дѣломъ.

Въ числѣ статей, помѣщенныхъ въ Софійской второй лѣтописи, есть и путешествіе Афанасія Тверскаго въ Индію — драгоцѣнный памятникъ и литературы, и нравовъ, и понятій, и предпріимчивости въ русскомъ народѣ того времени.

ВОСКРЕСЕНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Изданная въ V т. П. С. Р. Л. Воскресенская лѣтопись и въ прошломъ столѣтіи изданная Россійскою Академіею Нико-

новская, не есть отдѣльная лѣтопись, но позднѣйшіе XVI и XVII в. сборники прежнихъ лѣтописныхъ частей, соединенныхъ воедино. При разложеніи ихъ окажется, что они составлены изъ разныхъ самобытныхъ мѣстныхъ лѣтописей какъ тѣхъ, которыхъ слѣды естественнѣе видны, какъ въ раннихъ сборникахъ, такъ равно и тѣхъ, которые до насъ дошли. Разбирая, напр., воскресную лѣтопись, мы найдемъ въ ней извѣстія суздальскія, кіевскія, новгородскія, которыхъ нѣтъ въ Лаврентьевскомъ, Ипатіевскомъ спискахъ и новгородскихъ лѣтописяхъ, но которыя стоятъ рядомъ съ тѣми, которыя тамъ находятся, а потому мы вправѣ заключить, что они взяты или изъ другихъ, до насъ не дошедшихъ, или изъ тѣхъ же, изъ которыхъ взяты и извѣстныя намъ событія, но послѣднія не полно сохранились въ раннихъ спискахъ. Такъ, въ воскресенской лѣтописи, какъ мы уже сказали, видны явные слѣды кіевской лѣтописи подъ 1200 годомъ, послѣ того, какъ прерывается самый подробный ея списокъ — Ипатіевскій; тамъ же встрѣчаемъ мы событія суздальско-владимірскаго края, гораздо распространнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ; наконецъ, тоже можно сказать и о новгородскихъ, ибо въ воскресенскомъ спискѣ находятся и новгородскія дѣла въ болѣе пространномъ видѣ, чѣмъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ и притомъ, какъ показываетъ ихъ тонъ, писанные въ Новгородѣ.

СОСТАВЪ НАШИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

Доискиваясь состава нашихъ лѣтописей, мы находимъ, что они перешли три редакціи:

1) *Сказанія и записки.* Это были первоначальныя формы, совершенно не сходныя и даже противуположныя между собою. Записки были чрезвычайно краткія извѣстія, имѣвшія практическое примѣненіе въ церковномъ обиходѣ: это свѣдѣнія о кончинѣ лицъ, съ цѣлію поминовенія ихъ въ монастыряхъ и церквахъ, о постройкѣ церквей и поставленіи владыкъ, о небесныхъ знаменіяхъ, объ общественныхъ бѣдствіяхъ съ благочестивою цѣлію — слѣдить за движеніемъ промысла и гнѣва Бо-

жія. Сказанія, напротивъ, подробныя, связныя повѣствованія съ оттѣнкомъ поэзіи, или притязаніемъ на краснорѣчіе. Они— не сборъ отрывочныхъ, не связныхъ извѣстій, а разсказъ, обращенный къ лицу или къ событію, заключающему въ себѣ цѣлость, оживленный часто одною мыслію.

Сказанія перешли у насъ два періода: первый *своенародный*, второй, образовавшійся послѣ принятія христіанства, *подъ вліяніемъ византійской образованности.* Сказанія перваго періода отличаются простотою выраженія, сжатостію, иногда образностью и цвѣтистостью, но непринужденною, безъ замашки щеголять ею. Во второмъ господствуетъ риторика, амплификація и церковная философія. Драматическая форма выраженія встрѣчается и тамъ и здѣсь; но въ сказаніяхъ стараго склада герой говоритъ именно столько, сколько человѣкъ въ самомъ дѣлѣ въ описываемомъ положеніи можетъ сказать; а въ сказаніяхъ новѣйшаго византійскиго склада герой говорить такія длинныя рѣчи, которыя не свойственны ни его натурѣ, ни его положенію. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба; въ разныхъ спискахъ эти святые говорятъ болѣе или менѣе длинныя рѣчи, въ одномъ спискѣ длиннѣе, въ другомъ короче; по желанію вставлялось что угодно; цѣлію было не изложить событіе въ дѣйствительности, а изложить его какъ можно красивѣе. Напротивъ въ сказаніяхъ старѣйшаго склада; тамъ идетъ дѣло о передачѣ событія, а не о формѣ его передачи, и если употребляются фигурныя выраженія, то все-таки какъ средство къ лучшей передачѣ содержанія, а не составляютъ сами по себѣ цѣль. Однѣ и тѣ же сказанія являются приблизительно то къ тому къ другому складу, смотря по тому, черезъ какія руки они проходили. Какъ формы сказанія, такъ и формы записки сохранились до позднѣйшихъ временъ.

2) Изъ нихъ-то подъ вліяніемъ византійскихъ примѣровъ, начали составлять *лѣтописи:* именно, собирать сказанія, разбивать ихъ на годы и дополнять записками. Когда форма эта

усвоилась, тогда является третій способъ передачи событій черезъ соединеніе формы сказанія съ формою записокъ, или, такъ сказать, распространенная записка. Это собственно то, что можетъ назваться лѣтописнымъ разсказомъ. Сочинитель подъ извѣстнымъ годомъ записывалъ то, что зналъ и очертывалъ его такими частностями, какими считалъ нужнымъ, смотря по своей личности, или по цѣли, съ какою записывалъ. Такъ какъ жизнь русская потекла разными путями и выразилась въ самобытности земель, то явились въ каждой землѣ свои лѣтописи, хотя сходныя въ главныхъ основаніяхъ, но различныя по характеру и края, и лицъ, писавшихъ ихъ; ихъ писали и свѣтскія и духовныя лица. На югѣ мы видимъ ясно участіе свѣтскихъ лицъ въ составленіи лѣтописей; на сѣверѣ, сколько можемъ судить, на нихъ лежитъ печать церковности, но это не даетъ намъ права заключить, чтобъ и тамъ не писали ихъ свѣтскіе люди, такъ точно, какъ на югѣ мы видимъ участіе духовенства. Характеръ края открывается самъ собою, когда мы сличимъ широкую повѣствовательность кіевской лѣтописи, образность голицко-волынской, сжатость и сухость новгородскихъ, полноту и вмѣстѣ краткость псковской, и риторику владимірской. Мы имѣемъ указаніе, что лѣтописи имѣли у насъ оффиціальное значеніе, но не въ силахъ объяснить способа отношеній власти къ лѣтописцамъ. Существовали-ли лѣтописи, исключительно предназначенныя для записки событій по волѣ власти, или власть только довѣряла имъ и относилось къ нимъ на основаніи такого довѣрія? Кажется скорѣе принять надобно послѣднее, потому что въ формѣ лѣтописей нашихъ нѣтъ явныхъ слѣдовъ того однообразія изложенія, которое послѣдовало бы неминуемо, если бы лѣтописцы были, выражаясь нашимъ способомъ говорить, *казенные.* Если гдѣ либо лѣтописность наша приближается къ точной опредѣленности, какъ мы могли бы ожидать отъ оффиціальнаго способа веденія лѣтописей, то развѣ въ Псковской лѣтописи. Однако, изслѣдуя духъ нашего лѣтописанія, открывается, что лѣтописи собственно церковныя

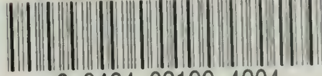
и монастырскія отличались отъ такихъ, въ которыя вписывались политическія событія. Такъ, мы имѣемъ третью новгородскую лѣтопись, приложеніе ко второй новгородской—лѣтописи чисто церковныя, они отличны отъ остальныхъ; сверхъ того, остались въ рукописяхъ нѣсколько лѣтописцевъ монастырскихъ, напр. лѣтопись монастырей: Соловецкаго, Усть-Сысольскаго, Волоколамскаго; занимаясь исключительно дѣлами своего монастыря, они отличны отъ другихъ.

3) Послѣдняя редакція нашей лѣтописной литературы состоитъ изъ *сборниковъ*, или *списковъ*, уже прежде составленныхъ предъидущимъ способомъ лѣтописей, со включеніемъ разныхъ отдѣльныхъ сочиненій. Это уже скорѣе сборники, чѣмъ лѣтописи.

Хотя большая часть лѣтописей издана, но до сихъ поръ мы не имѣемъ такого собранія лѣтописей, какого бы желали. Археографическая Коммисія своимъ изданіемъ лѣтописей принесла большую пользу, но нѣкоторыя лѣтописи она издавала только частями, а нѣкоторыя вовсе не издала, основываясь на томъ, что заключающіяся въ нихъ извѣстія, можно найти въ другихъ, изданныхъ лѣтописяхъ; а между тѣмъ изданіе различныхъ варіантовъ могло бы значительно обогатить науку, давши большую возможность провѣрять ученые выводы и заключенія.

d —

Цѣна 50 коп.


UNIVERSITY OF B.C. LIBRARY
3 9424 02199 4204

